

Татьяна Коростышевская

Огонь блаженной
Серафимы

Берендийский сыск

Татьяна Коростышевская
Огонь блаженной Серафимы

«1С-Паблишинг»

2020

Коростышевская Т. Г.

Огонь блаженной Серафимы / Т. Г. Коростышевская — «1С-Публишинг», 2020 — (Берендийский сыск)

Татьяна Коростышевская – современная писательница, автор книг в стиле юмористического фэнтези. Её творческую манеру отличают захватывающие сюжеты, яркая любовная романтика и колоритный язык, заставляющий вспомнить хрестоматийные русские сказки. Предлагаем вам роман писательницы в жанре детективного фэнтези. Вместе с романом «Кисейная барышня» он составляет дилогию, написанную по миру, который уже знаком поклонникам автора, прочитавшим или прослушавшим книгу «Сыскарь чародейского приказа». Правда, героиня в этой дилогии уже другая. Серафима Абызова жила тихой мещанской жизнью и представить себе не могла, что ей доведётся участвовать в сыскных мероприятиях. Волшебный остров, магия, убийства и их расследование – всё это казалось ей страшным сном. Во второй книге дилогии Серафима уже не та. В новом статусе появляется она в Мокошь-граде. Умница, красавица, невеста самого князя, богатая наследница! Ну а кроме того – блаженная сновидица. Можете быть уверены: интересные события не заставят себя ждать. Подробности – в книге.

© Коростышевская Т. Г., 2020

© 1С-Публишинг, 2020

Содержание

Глава первая, в коей столичной публике демонстрируются не лучшие качества загорского купеческого сословия	6
Глава вторая, в коей проходит первое заседание клуба не желающих опеки, а второе прерывается наидосаднейшим образом	19
Глава третья, в коей вольный агент пользуется достижениями сыскальской науки в личном расследовании	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Коростышевская

Огонь блаженной Серафимы

Надворный советник Попович из чародейского приказа боялась покойников. Про то все знали, поэтому разбойные приказные наблюдали действия конкурирующей службы со скрытым злорадством. Явилась, главное, фу ты ну ты, мундир с петличками, воротничок крахмальный, очки еще, хотя всем известно, что зрение у чиновницы отличное.

– Тело опознали? – Спросила Евангелина Романовна, поздоровавшись, и кивнув сопровождающему ее младшему чину, чтоб доставал самописец.

– Девица Бобынина двадцати семи лет, – сыскарь Толоконников с фальшивой предупредительностью увлек чиновничью даму поближе к труп. – Сами убедитесь.

Попович взглянула и позеленела лицом, вызвав удовольствие присутствующих.

– Мы бы господ чародеев не тревожили, – продолжал Толоконников, – но...

Окончание фразы он подвесил нарочно. Чтобы пострадала чиновная барышня, чтоб все свои грешки, либо огрехи припомнила.

Попович бровки над очками подняла и с нажимом переспросила:

– Но? – Повернулась к младшему чину. – Пиши, Митрофан. Протокол осмотра, дом Бобыниных на Голубой улице, седьмого серпня утро...

– Дом-то непростой, – Толоконников воздел перст к потолку. – Чародейка неординарная здесь проживала. Почитай, что ни день, про нее газеты пишут. Давеча, к примеру, в «Пыжике» сообщали, что известные всем девицы А. и Б. ...

– Труп девицы, – не отвлекшись, продолжала Попович, – в двух аршинах от входной двери головой повернут к окну, у правой руки...

Она присела, рассматривая что-то на ковре:

– ... склянка с остатками мутной жидкости, судя по запаху, предположительно, мышьяком.

– Очень на самоубийство похоже, – кивнул Толоконников. – Приняла девица яду, как то у столичной молодежи модно, да и упокоилась. Думала, найдут ее, красивую, в прическе да с ликом намазанным, только просчиталась. Рвало ее перед смертью, извольте посмотреть, да судорогой скорчило.

– Так отчего же тогда, Степан Андреевич, – резко спросила Попович, – вы из чародейского приказа нас затребовали? Ты, Митрофан, укажи в протоколе, что следов магического воздействия не обнаружено.

Толоконников взвился было, чтоб наглуую девицу на место задвинуть, но та вдруг ахнула, еще пуще позеленев и, встав на четвереньки у труп, принялась елозить во рту покойницы пальцами.

– Евангелина Романовна? – Толоконникова и самого замутило. – Что вы творите? Покойница дернулась конвульсивно, и ее вытошнило на ковер.

– Лекаря зовите, – скомандовала Попович. – Жива ваша девица Бобынина и, даст бог, до двадцати восьми годков доживет.

Уже в прихожей, безуспешно оттирая мундир от следов блевоты, надворный советник Попович задумчиво говорила приказному секретарю:

– Про то, что разбойные нынче обмишурились, мы хвастаться не должны. Ну, то есть, позлорадствуем тихонько в узком кругу, да и довольно. Надо же, так спешили нас озадачить, что в смерти пострадавшей не убедились. Какой конфуз! – Она вполне похоже изобразила жеманное хихиканье. – А вот с неординарной чародейкой, про которую газеты пишут, придется беседовать, и с неординарным чародеем, про которого пока умалчивают. Во избежание и для предупреждения... Девицы А. и Б... сидели на трубе...

Глава первая, в коей столичной публике демонстрируются не лучшие качества загорского купеческого сословия

Сердце учить насъ сострадать несчастіямъ ближнихъ и относиться къ нимъ съ добротою, какъ бы мы сами поставлены ни были – это знаніе свѣта; здравый смыслъ убѣждаетъ насъ уважать заслугу, какое бы мѣсто въ обществѣ она ни занимала – это вѣжливость; тактъ подсказываетъ намъ, когда мы должны прощаться, чтобы не показаться навязчивыми – эта подчиненіе свѣтскимъ законамъ.

Жизнь в свете, дома и при дворе. Правила этикета, предназначенные для высших слоев России. 1890 г, Санкт-Петербург

Мокошь-град встречал меня с неуместной торжественностью. Мне хватило бы и нарядных белоснежных сугробов, и разлапистой украшенной фонариками ели, установленной на главном вокзале, и родной, отовсюду звучавшей речи. Но Маняша рассудила иначе.

Когда я спустилась по ступенькам из вагона первого класса, она махнула рукой, и над перроном грянула приветственная песнь, исполняемая под гитары неклюдским ансамблем.

– Ну что за дикость, – троекратно расцеловавшись с нянюшкой, пожурила я ее.

– Гуляй купечество! – Ответила она и повертела меня из стороны в сторону. – Загорела как, чисто чернавка, а уж исхудала... Голодом что ли морили?

– Отъемся, – пообещала я. – Как без меня поживала, Мария Анисьевна? Вижу, совсем не изменилась.

– Тосковала, – Маняша поправила вдовий плат, – денечки считала до твоего возвращения. Мымра Наташка совсем прислугу заездила, как письмо от Карпа Силыча получила.

Она лихо перехватила чарочку, что вот уже несколько раз пытался поднести мне веселый неклюд, и закусила огурчиком:

– Благодарствую, человеке. Теперь душевное что-нибудь исполните.

– Про багаж распорядись, – дослушав слезливый романс, попросила я, – и извозчика кликни.

Маняша распорядилась мановениями, махнула огурчиком, и, будто по-волшебству, рядом появился вокзальный служитель, махнула сызнава полной чаркой, четверо носильщиков принялись выгружать кофры с сундуками.

– Папенька велел полный гардероб заказать, – видя ее удивление, принялась я оправдываться, – не желал, чтоб его доченька в столицах немодной показалась. А с лета, представь, в женской моде кое-что изменилось.

– Барышня Абызова, – учтиво обратился вокзальный служитель, – извольте к лошадиному вагону подойти, там ваша... ваше... бесится оно...

Я отпихнула белозубого неклюда, который выводил рулады, склонившись к моему плечу, и побежала к хвосту поезда.

И нисколько оно не бесилось, оно просто не понимало, что от него пытаются добиться эти странные людишки.

– Словами потому что разговаривать надо, – ругалась я на работников. – И ничего он на вас не бросался. Ну, ладно, бросался, от радости. А зубы скалил, потому что улыбался приветливо. А я говорю, приветливо.

Пока Маняша раздавала страдальцам денежку для поправления душевного здоровья, я вбежала по мосткам и отперла двери загончика.

– Это что за чудо-юдо? – Ахнул неклюд, который, оказывается, все это время за мною следовал. – Уж точно не лошадь, я-то в лошадях понимаю.

– Это Гаврюша, – почесала я мохнатое ухо, не неклюдово, кошачье. – Гавр, скажи «здрасьте» дяденьке.

– Ав-р-р.

– Послушный мальчик. Фу! Сплюнь попону! Она грязная, опять животом маяться будешь!

– Грифон? – Без испуга спросил неклюд. – Горгулия иноземная? Это сколько же такая животина стоять может?

Сонный кот Гавр, рост которого в холке достигал уже полутора аршин, просочился мимо меня и прыгнул на перрон.

– Ав-р! – Завопил он радостно. – Ав-р-р-р-р...

– Снег очень обожает, – пояснила я в пространство.

Гаврюша как раз поднимал снежные вихри распахнутыми крыльями.

– А кормить его как? – Размышлял неклюд. – Он же жрет, небось?

– Конечно жрет, – согласилась я, наблюдая, как, пообвыкший к обстановке, Гавр изымает соленые огурцы и караваи у публики.

Лоточник с баранками лишился товара в мгновение ока, кот поискал, чем еще закусить, и принялся жрать снег.

Надо ли говорить, что весь мокошь-градский вокзал воспринял наше отбытие с облегчением?

Извозчик не понадобился. У главного входа ожидала нас вереница запряженных тройками саней, куда погрузились и мы с Маняшей, и многочисленный багаж, и неклюдский художественный табор. Гавр бежал следом, пугая своим видом как лошадей, так и прохожих.

– Гуляй, купечество! – Вопила пьяненькая Маняша. – Уж такие мы, загорские!

Наутро в свежем номере «Мокошь-градского вестника» почтеннейшие горожане могли ознакомиться с заметкой, в которой клеймились нравы современной золотой молодежи и указывалось на необходимость ужесточения законов, касаемых содержания в домохозяйствах экзотических животных. Легкомысленный «Чижик-пыжик» сообщал своим читателям, что очаровательная барышня А. – невеста небезызвестного князя К., отпущенная на вакации из закордонного учебного заведения, выглядела уставшей и невеселой, видимо вследствие неприглядных слухов о поведении жениха, просочившихся даже за границы империи, что одета она была выше всяких похвал, и, что, судя по количеству багажа, собирается знакомить с мировыми модами местное общество. А ежемесячный альманах «Флора и фауна Берендийской империи», правда не на завтра, а в положенный день, поместил сравнительный очерк на тему грифонов и прочих крылатых созданий семейства кошачьих.

– Мне не хотелось Наталью Наумовну стеснять, – жаловалась я по дороге Маняше, перекивая музицирование неклюдов, набившихся во вторые сани. – Но батюшка велел приличия соблюдать, и для того у Бобыниных селиться.

– В тесноте да не в обиде, – кивала нянька рассудительно. – Аркадий Наумович решил для тебя весь второй этаж освободить, сам в кабинет переехал.

– Чудесно, тогда Гаврюша сможет прямо с балкончика на прогулку отправляться.

– Ты что ли этого элфанта сизокрылого в доме держать будешь?

– Прикажешь собачью будку ему во дворе поставить? Он к теплу привык, да к ласке.

– Экая цаца!

С шумом и песней въехали мы на Голубую улицу, пронеслись по ней под взглядами прилипших к окошкам жителей и остановились у ворот бобынинского особняка.

Сквозь кованную ограду было видно, что фасад недавно обновили. На крыльце меж античных колонн распахнулись двери и на дорожку выбежала пухлая девица в черном платье с передником.

– Добро пожаловать, госпожа, – закричала она. – Гаврюша? Да тебя не узнать! Баюн, чистый баюн!

Крахмальный чепец трепетал на зимнем ветру.

– Марта! – крикнула я в ответ. – Девица Фюллиг, как я рада тебя видеть!

– Я твоих руянских горничных не хотела, – чопорно сказала Маняша, – но обе они контрактами махать принялись, так что пришлось в столицу с собою везти.

– Марта, – поздоровалась я с девицей Царт, которая тоже появилась у ворот.

Неклюды сызнова запели.

– Отпусти ряженных, – велела я Маняше, догадавшись, что хозяйка дома ко мне выходить не собирается. – Это уже нелепо.

Нянька фыркнула, но приказ исполнила. Сани заехали в ворота, я, оставив багаж на Маняшу и двоих бобынинских работников, поднялась по ступенькам. Гавр шел со мной, Марты оббежали вперед, чтоб придерживать створки.

Наталья Наумовна подняла глаза от вышивания:

– Фимочка... Животное придется оставить на улице.

– Ав-р...?

– Не волнуйся, разбойник, – погладила я полосатый бок, – тетя Наташа так шутит. Ты сейчас в мою спальню отправишься и будешь там тише мышки сидеть, договорились?

Я кивнула горничным. Гавр их признал, ластился к толстушке-Марте, бодая ее в мягкий бок, и без возражений пошел за девушками вглубь дома. Невзирая на свои внушительные размеры, в движениях сонный кот был плавлен и осторожен. За сохранность обстановки опасаться несколько не приходилось.

Я бросила в пустое кресло муфту, растянула шубку, отправив ее туда же, и пересекла гостиную, оставляя мокрые следы на ковре.

– Ну здравствуй, Наталья Наумовна, – наклонившись, я чмокнула воздух у кузинных щечек, как у нас, у барышень, полагается.

– Прости, Фимочка, – Натали слабо приподнялась, чтоб без сил опуститься обратно, – нездоровится мне нынче, оттого и выйти к тебе не смогла.

– Какая жалость, – вздохнула я неискренне. – Тогда, милая, утомлять тебя не буду. Поздоровалась, и довольно, к себе отправлюсь и попытаюсь не шуметь. Аркадий Наумович на службе? Я засвидетельствую ему почтение после.

– Ни в коем случае! – Мое отступление прервал энергичный возглас от входной двери. – Серафима Карповна, кухня моя драгоценная! Едва успел.

Господин Бобынин был с улицы, на плечах бобровой шубы серебрился снег. Удостоив меня родственных объятий и троекратных родственных же лобзаний, Аркадий сбросил верхнюю одежду на руки лакею, ему же отдав трость.

Ранее лакея у кузена не водилось, Впрочем, я догадывалась, что папенька немного расстарался облегчить нам всем совместное проживание. Как мог, то есть денежкой.

В отличие от сестры, Аркадий лучился радушием и приветливостью.

– Присаживайся, Фимочка, удостой родича беседой. Где побывала, что увидала, да не слишком ли утомительна оказалась дорога?

Пришлось занять место за столом и по порядку отвечать.

– Вакации у меня нынче. Обучаюсь в университете, в Гишпании, от того, что именно тамошние чародеи в огненных силах поднаторели. Ничего особого не видала, ибо за книгами ежедневно корплю от рассвета до заката, а иногда и после оно. От гишпанского порт-оф-Виго плыла на парходике до Марсея, а там поездом добралась до отчизны. Поезд гнумский,

комфортный, так что нисколько не утомилась. С батюшкой свиделась ненадолго, слишком уж он коммерцией занят.

Врала я вдохновенно, при сем умудряясь вообще ни в чем правды не сказать. Ну, может, про коммерцию только. Но даже занятость не мешала нашему с отцом общению. Это он все придумал, и историю про путешествие, и доставленный к последней приграничной железнодорожной станции багаж. Иначе я в Мокошь-град как была явилась: в холщовых штанах и рубаше, босая и верхом на крылатом коте. Учитель, кстати, так бы и сделал. Он вообще условностями себя не утруждает. Батюшка за это величает Гуннара блаженным, а тот его в ответку – мелочным грошолобом. После они принимаются драться на шпагах, или плевать горохом, кто дальше. А покорная дочь и ученица, я то есть, не изгоняет этих расшалившихся мальчишек из своего сна.

– Долго ли предполагаешь в столице пробыть? – Отвлек от воспоминаний вопрос кузена.

– До Рождества, после в университет вернусь.

– Чуть больше двух недель, – сказала Натали, подсчитывая что-то на пальцах. – В пост особых приемов не намечается, но к шестому сечению изволь бальный наряд иметь.

– Я выезжать в свет не собираюсь.

– Думаю, у твоего жениха, – тут Натали сложила губы в куриную гузку, – другие на сей счет планы. Рождественский цесарский бал – великолепный повод свою невесту императорской чете представить.

Я с отвращением ощутила кольцо на безымянном пальце:

– Не думаю, что до этой даты в Мокошь-граде задержусь.

– Ну-ну...

Разговор плавно угасал. Возбуждение Аркадия уступало место апатии, зрачки серых глаз, поначалу огромные, сжались в черные точки, он скрывал зевоту, поглядывая на дверь и потирал свою тяжелую лошадиную челюсть. Брат с сестрой были довольно меж собой схожи, оба светловолосые, худощавые, с тонкими губами и вытянутыми лицами. Но, если Натали в манерах демонстрировала томную расслабленность, Аркадий Наумович являл собою воплощение экспрессии.

Поинтересовавшись у Натали, подыскала ли она себе новую горничную, взамен уволенной на Руяне Лулу, и узнав, что Наташеньке приходится справляться самой, лишь иногда упрямившись помочь моих многочисленных бездельниц-служанок, я выразила ей сочувствие и сообщила, что вынуждена покинуть столь приятное мне общество кузенов.

– Отдохнуть прилягу.

Меня не задерживали. По изогнутой лестнице я поднялась на второй этаж и толкнула дверь спальни.

– Угомони своих сарматок, дитятко! – Маняша стояла в центре ковра и бесшумно топала ногой.

Означенные сарматки сидели рядом на козетке в углу, широкую же двуспальную кровать почти полностью заняла туша сонного кота Гавра. Гавр спал. Ну это у него обычно, ежели не кушать, то спать, ежели не спать, то хоть подремывать.

– Мария Анисьевна нас выгоняет, – наябедничали Марты. – Мы в смежной комнатке расположиться желаем, чтоб вам в любой момент услужить, а она нас в комнату прислуги на первом этаже выселить хочет.

– Потому что это я в любой момент служить должна.

– Маняша над вами старшая, – поддержала я няньку, – как она сказала, так и делайте.

Я догадывалась, что нежелание девушек со мной разлучаться, вызвано отнюдь не их преданностью мне лично, а необходимостью помогать самостоятельной Наталье Наумовне. Загоняет она мне Март, это уж как пить дать.

Маняша сочувствия не знала, в три счета выставив горничных с пожитками за дверь, она принялась распаковывать мои уже доставленные чемоданы.

– К ужину спуститься, р-раз, это лиловое, это завтра с утра можно примерить, это...

Она бормотала, развешивая наряды на плечики за раздвижными дверями гардеробного шкапа.

– Фильмотеатр желаю посетить, – я плюхнулась на козетку, задрав ноги в премилых ботильончиках на спинку. – Давай сходим? Вот прямо сейчас же и отправимся.

– Отчего же не сходить...

– И мороженое, – я мечтательно прикрыла глаза, – чтоб с карамелью и кедровыми орешками. Помнится, заведение «Крем-глясе» неподалеку там было.

– Мороженое зимой?

– Что-то не так?

– То, что за блаженную примут, а ты, помнится, безумия паче прочего страшилась.

– Ах, Маняша, мне это теперь решительно все равно.

Больше нянька не возражала. Гавр, приоткрыв один глаз, на фильму меня отпустил, благостно рыкнул, когда я пообещала на обратном пути к мяснику забежать за вырезкой для послушного мальчика.

– Значит, как в постель чудовища этого с собою брать, тут ты согласна, – ворчала Маняша, помогая мне с шубкой. – А в город на прогулку – кишка тонка?

– С тобою время хочу провести, – отвечала я с лаской в голосе, – как раньше. Гавр мне, конечно, друг, но внимания требует, что дитя малое.

В гостиной было пусто, поэтому об уходе я сообщила лакею, чтоб передал господам, если поинтересуются.

– Извозчик! – Крикнула нянька, как только мы вышли за ворота.

– Оставь, – придержала я ее за руку, – давай пешочком пройдемся, как бывало.

Мы неторопливо шагали по Голубой улице, метель утихла, холодное зимнее солнце переползло уже за зенит, готовясь погрузить Мокошь-град в ранние сумерки.

– Отродясь я с тобою здесь по сугробам не скакала, – ворчала нянька, кутаясь в тулуп и многослойные свои шали. – И холод ты никогда не обожала, когда за горами зимовали, хотела до весны на печке оставаться. Что в твоих заграничах с тобою сделали? Кедровые орехи?! От которых у тебя горло пухнет и почесотка по всему телу? И их тоже возлюбила?

– Про орехи погорячилась, – призналась я легко. – А холод и правда приятен стал, с тех пор как силу приняла.

Обернувшись, не смотрит ли кто, я вытянула из муфты руки и сняла с правой перчатку:

– Силь ву пле!

На ладони расцвел алый огненный цветок, я дунула на него, заставляя изменить цвет, еще раз, и еще, после смяла лепестки и бросила в снег.

– Солидно, – одобрила Маняша, любясь превратившимся в лужу сугробом.

Вода моментально подернулась корочкой и я не отказала себе в удовольствии проехаться по льду подошвами ботилов.

– Как есть блаженная, – удержала меня от падения Маняша. – Так где ты теперь живешь и с кем? Предупреждаю сразу, про университеты гранадские ни слову не верю.

– И правильно не веришь. Папенька туману напустил столько, что кто угодно усомнится. Учитель у меня личный, навроде гувернера. Он странненький довольно, не каждого к себе приблизить решается, но, ежели согласится, то ученик как в рабство попадает. Ничего мне не позволяет, ни писем кому писать, ни книжек для развлечения читать, ни...

– Ты с ним вдвоем что ли живешь?

– Вдесятером, – доверительным шепотом сообщила я. – Он и учеников девять, я девятая, я отпираю, я запираю.

– Девушки есть? – Маняша тоже шептала.

– Нет! Я единственная.

Мария Анисьевна застыла, будто громом пораженная. Солидному господину в цилиндре дорогу заступила, тот обозвал ее теткою и даже замахнулся, чтоб в спину пихать, да после остыл, разглядев меня.

– Простите, – пискнула я карамельно, и потащила няньку под руку. – И нечего ошеломляться, огненные стихии обычно женскому полу не достаются... И ничего не скандально, если никому не расскажешь, то и не оконфузишь меня перед обществом.

Трептать без умолку пришлось еще с четверть часа, пока Маняша не начала вяло отвечать на расспросы.

– Чего было? Лежала стало быть в госпитале, дня три уже лежала, все удивлялась, что ты меня проведать не спешишь. После барышня Бобынина явилась с рассказами. Так мол и так, Маняша, сказывала, отбыла твоя хозяйка в дали дальние, а в какие нам, людям простым, знать не положено. Перед отбытием с князем Анатолем обручилась.

Тут нянька неодобрительно покачала головой.

– Господин Зорин не заходил? – Спросила я с преувеличенной легкостью.

– На Руяне? Нет, тогда мы с ним не виделись. Барышня Бобынина сказала, что Ивана Ивановича служба срочно в столицу призвала. А здесь-то, в Мокошь-граде уже, беседовали неоднократно, всякий раз, когда он с визитами к Наталье Наумовне является, ко мне заходит поздороваться.

– Часто?

– В неделю раза два, – охотно отвечала Маняша. – Догадываюсь, что после того, как ты князю Кошкину поклялась, статский советник на Наташку перекинулся. Она уж его привечает, будьте уверены. Клавикорды новые в гостиной видала? В четыре руки музицируют голубки наши.

В витрине дорого магазина отразилось мое искаженное страданием лицо. Маняша же, ничего не замечая, продолжала:

– А на прием у генерал-губернатора, ну который перед самым постом был, вместе отправились. Иван Иванович за Натали заехал франт франтом, в парадном мундире, с букетом, она тоже расстаралась куколкой перед ним предстать...

– Какая прелесть! – Перебила я ее, указав на выставленное в витрине платье. – Желаю немедленно его примерить.

И толкнула стеклянную дверь магазина.

Одного платья, чтоб успокоиться, мне не хватило, попустило на четвертом, да и то после того, как взопревший работник подобрал к нему туфли, шляпку и мягкую расшитую стекларусом сумочку.

Время примерки нянька проводила пречудесно, посиживала на пуфике и закусывала поднесенный чай пирожными из соседней кондитерской. Надписывая на карточке адрес, куда требовалось доставить мои покупки, я поняла, что голодна.

Об этом я сообщила няньке, оказавшись сызнова на проспекте. Та мысли о трапезе разделила:

– Отыщем сейчас ресторацию, морожеными с пирожными сыт не будешь.

– Грибов хочу, – решила я, прислушавшись к урчанию желудка, – жареных со сметаной лисичек. Не сезон? Не получится?

Нянька на этих словах хихикнула, ткнув vareжкой в вывеску, на которой под вязевыми буквами «Жарю-парю» было изображено грибное семейство.

Заведение классом не отличалось, так себе харчевня. Но столы были чистыми и пахло хорошо, домашней стряпней и печным дымом. К нам подскочил половой в подпоясанной рубахе:

– Чего бырышни изволят?

Он провел на через залу, потолок которой намекал, что в прошлой жизни ресторация была обычным подвалом, к дальнему столику у полукруглого высокого оконца.

– Грибочков? – Парень лихо отхлестал полотенцем столешницу. – И грибочков со всем уважением поднесу. Грибочки у нас замечательные, потому как только в нашем заведении их умеют без мочения либо квашения с осени в свежести сохранять. И дороговизна сохранных амулетов нас в стремлении гостей порадовать не остановит. Заведение у нас препопулярное, все мокошь-градское чиновничество столовается, все солидные люди...

Маняша помогла мне разоблачаться, потом и сама рассупонилась, половой одежду подхватил, пристроил на вешалке в углу.

Заверениям его в популярности ресторации, или все же трактира, безлюдие оногo противоречило.

– Обеденное время уже закончилось, а для вечера еще не подошло, – будто услышав мои мысли, сообщил половой. – На час раньше и мне для вас свободного местечка отыскать бы не удалось.

Наконец он удалился на кухню.

– Вот ведь болтун, – я цапнула из вазочки горбушку и обильно ее посолила.

– Оголодала ты, дитятко, – пожалела Маняша, наблюдая как я вгрызаюсь в хлебушек.

А мне там временем кусок в горле стал. Потому что в залу вошли те самые анонсированные парнишкой столичные чиновники. Они оживленно беседовали, стряхивали снег, топали ногами. Трое мужчин и дама, тоже чиновница. Самый из них молоденький даму обхаживал, стоял с протянутыми руками, чтоб принять шинель. Женщина была хороша. Рыжая, а хороша как картинка. Личико точеное с широкими скулами и аккуратным подбородком, глаза зеленющие, что твои смарагды. И сложена на диво соразмерено. Я пялилась на нее, чтоб не переводить взгляда на самого высокого из ее спутников, на статского советника Зорина.

– Битый час тебя, Эльдар, ожидали, – разносился под сводами зоринский бас, – обеденное время упустили.

Господин Мамаев что-то отвечал, но смысл ответа до меня не дошел.

– Иван Иванович! – Воскликнула Маняша, остановив тем самым мою попытку спрятаться под стол. – А мы туточки с Серафимой!

Пришлось кивать в ответ на приветствие, улыбаться, представляться. Молодого звали Митрофан. Отчество его было Митрофанович, а фамилия Губешкин, поэтому предпочитал он обращение по-простому, лишь по имени.

Прибежавший на шум половой выслушал чиновничий заказ, заверил, что все исполнит в лучшем виде и поинтересовался, где господам удобнее откусать будет, потому что он может столы и сдвинуть для удобства застольного общения.

Зорин принялся махать в другой конец залы, на что Маняша завопила, что спасителя своего рядом видеть желает. Я украдкой откусывала от горбушки, ожидая, пока весь этот балаган закончится.

– Вы мне снились, – тихонько сказала рыжая, присаживаясь на соседний табурет.

Я покраснела и с усилием проглотила безвкусный хлеб. Позорище ты, Серафима, как есть позорище. Ну давай, ответь: «А вы, Гелюшка, мне. Помнится, в слезах пробудилась, когда выяснилось, что надворный советник Попович – не вобла сушеная, а красotka каких мало».

– Забавно, – удалось выдавить вместе с жалкой улыбкой.

– Да уж, – у Евангелины улыбка получалась искренней, от нее на щеках чиновницы появились премилые ямочки. – Забавно, не то слово, перепугалась я преизрядно, особенно от крылатого кота. Представьте, с вами было полосатое чудовище, которое скалило на меня клыки, и...

– Не начинай, букашечка, – Эльдар Давидович присел напротив, упер локоть в столешницу и опустил подбородок в раскрытую ладонь. – А то барышня Абызова решит, что в чародейском приказе служат склонные к фантазиям натуры.

Потом, к моему удивлению, господин Мамаев извлек из кармана гривенник и щелчком отправил монетку Евангелине.

– С паразитическими словами воюем, – сообщила мне чиновница в той же доверительной манере. – Эльдар «букашечками» грешен, а я...

Она посмотрела на чародея, замершего в ожидании, и хихикнула:

– А я слова своего не произнесу, чтоб попусту не раскошелиться. У вас, Серафима Карповна, паразитические слова имеются? Желаете в наш клуб вступить?

Зорин сел напротив Попович и на меня не смотрел:

– Серафима Карповна лишена недостатков.

– Ах, – тоненько протянула я, – невыразимо приятно получить комплимент от вашего высочордия.

Болван Иванович томность проигнорировал, занявшись рассмотрением столовых приборов. Зрелище его увлекло не на шутку.

– У меня от голоса Серафимы Карповны мурашки по позвоночнику побежали, – вдруг сказал Митрофан, сидящий у торца стола. – Такие узнаваемые вибрации...

– Это от того, юноша, – пояснил Эльдар, что барышня Абызова нам с тобой, некоторым образом, коллега. Не правда ли?

Он раскрыл ладонь, на которой плясал крошечный пламенный человечек.

– Одни чардеи кругом, – Геля притворно вздохнула. – Чем ответите, Серафима?

Я полюбовалась огненным танцем.

– К прискорбию, ответить мне нечем. Я, Евангелина Романовна, тонкостям ремесла не обучена, у меня по берендийской поговорке – сила есть, ума не надо.

– Мастерство – дело наживное, – утешил Эльдар. – Если пожелаете, с удовольствием несколько уроков вам дам.

– У жениха барышни Абызовой не забудь разрешения спросить, – сказал Зорин, хлопнув по ладони друга, – а также у прочих... гм... обучателей.

И пока половой не принес нам обеда, Иван Иванович беседовал с Маняшей, для чего ему пришлось пересест ближе к ней.

Кушанья были на славу. Я, поглядев на отменный аппетит барышни Попович, и сама не отставала. На запивку подали квас, и этот простецкий напиток оказался уместен.

– Мы в фильмотеатр после собираемся, – говорил Мамаев, – премьерный показ сегодня.

– Какая фильма?

– Не помню названия, – отвечала мне Геля. – Что-то про полонянку определенно, и непременно романтический герой ее сперва в цепи заточит, а потом влюбится.

– Потому что Бесника только в таких историях и снимают, – веселился Эльдар. – Там наш хороший знакомец, Серафима Карповна, лицедействует, в фильме этой. Ник Бес, слышали?

Я отрицательно покачала головой, видно новый актер. Ник Бес, это Бесник, только слог переставлены? Как забавно!

Дальше Геля с Мамаевым принялись спорить, хорош, или не очень сей Бес в лицедействах.

С удивлением я поняла, что находится в одной компании с приказными сыскарями мне приятно. И Попович, эта кошка рыжая, невероятно нравится мне.

Когда пришла пора расплачиваться, случился небольшой конфуз. Мария Анисьевна возопила, что мы просто обязаны угостить спасителей, Евангелина Романовна твердила что-то о суфражизме, а Эльдар Давидович предлагал раскошелиться Ивану, потому что у него, как у начальства, денежка на пропитание личного состава в бумажнике шелестят.

Половой переводил взгляд с лица на лицо, бормоча:

– Уж я-то точно за вас всех платить не собираюсь.

Зорин сказал Маняше, что ее благодарственный обед желает приватно получить, Евангелине, что она номинально на службе, и чтоб не смела барышню Абызову, без пяти минут княгиню, суффражизмом смущать, и передал счет Мамаеву:

– Штраф за опоздание тебе будет. И вообще, сегодня твоя очередь.

На дворе уже стемнело, снежинки искрились в фонарном свете.

– Серафима, Мария Анисьевна, вы с нами? – Геля намотала поверх шинели толстый плетенный шарф, но все равно заметно мерзла.

Зорин с Митрофаном откланялись, у них были еще дела в приказе. Я же загрустила. Фильмотеатр уже не влек, даже и с предвкушаемым всей компанией мороженым в «Крем-глясе».

Мамаев все решил за меня, подхватил под руку Маняшу и потащил по проспекту.

– Сейчас начнет «букашечками» сыпать безнадзорно, – улыбнулась Геля, вокруг губ у нее виднелась голубая морозная каемка.

– Руки дайте, – велела я, снимая свои перчатки и засовывая их в висящую на груди муфту.

Перчаточки у Попович были тонкие, казенные, нитяные. Дрянь, а не перчатки. Мои пальцы скользнули к запястьям, остановились у пульсирующих жилок.

– Серафима, жги, – пробормотала я себе под нос и пустила от кончиков пальцев чутки силы, она вошла в вены иглками, растворяясь в кровотоке.

– Перфектно! – по-детски восторженно сказала Геля. – А Эльдар так не может.

Щеки ее порозовели и дрожать чиновница прекратила.

– Наверное, потому, что по военной линии раньше служил? – Я взяла ее под руку, потому что идти на каблучках по снегу было не особо сподручно. – Тогда он скорее на нападение заточен.

– Точно. Они все бывшие военные: и Мамаев, и Иван, и... шеф наш Семен Аристархович.

– Который предпочитает с подчиненными не обедать?

– Ах, нет, – горячо возразила Попович, – шеф вовсе не такой, он с нами все делит, и горе и радость, и...

Я вспомнила Семена Аристарховича Крестовского, который верной собачонкой служил канцлеру Брюту, и мысленно хмыкнула.

– А давайте крюк сделаем? – Предложила спутница. – Тут мостик пешеходный один есть, достопримечательный, очень уж его вам показать хочется. Вы же нечасто в Мокошь-граде бывали?

Четыре крылатых статуи украшали перила моста. Эх, хотела же белый мрамор заказать, да скульптор на черном настоял. Получилось, что коты были ониксовыми, а крылья их – золоченными. Дорого, богато, непохоже.

– Примерно такое же чудовище мне снилось, – сказала Попович.

– Ужасно.

Что еще говорить, я не представляла. То, что я сновидица, знать должно как можно меньше народа. По крайней мере, в нашей богоспасаемой отчизне. Да и признаваться, что я ее из ревности страшила, чиновнице не хотелось. Стыдноватенько было.

– Порассматривайте еще, – предложила Попович. – Давайте каждого котофея в подробностях изучим.

– В смысле?

– За нами слежка, – задрал голову к статуе, сказала Геля. – Не оборачивайтесь. «Хвост» по-нашему. От «Жарю-парю» ведут. Минимум четверо, сменяются каждый квартал, чтоб глаза не намозолить. Эльдар, либо ваша нянька, им не любопытны, они не разделились, когда разделились мы.

За спиной скрипнул шагами снег, я повернула голову. По тропинке приближался к нам мастеровой в тулупе. Обыкновенный мужичок с деревянным ящиком под мышкой.

– Перфектно. А револьвер я в приказе оставила. Вы не до смерти огнем кидаться можете, барышня Абызова?

Я в ответ уронила искру под ноги:

– Который злодей, в тулупе?

– Сзади!

Повернуться не успела, проклятые каблуки скользнули в луже растопленной воды, и я упала, к счастью, потеряв сознание прежде, чем ушиблась.

Снов не снилось, уж об этом учитель Артемидор позаботился. Я вынырнула из чернильной тьмы сначала слухом.

– Гелюшка, – сокрушался знакомый голос, – да как же так? Работнички! Надворного советника от загорской няньки не в состоянии отличить!

– Виноваты, ваше высокопревосходительство, – шамкал голос незнакомый, – обознатушки получились. Только и госпожа Попович разбираться не стала, вон как нас отметелила.

– Потому что по уставу сперва представиться должно. – Это говорила Геля. – А то, как тати ночные, напрыгнули на девиц. Они ведь напрыгнули, Юлий Францевич. Этот, который без зубов, еще и палкой госпожу Абызову огрел.

– Я тогда еще с зубами был!

– Не махал бы палицей, с ними бы и оставался! Юлий Францевич, налицо превышение служебных полномочий.

Я открыла глаза и застонала. Ничего не болело, стонала для порядка и для подчеркивания своего страдательного статуса:

– Где я?

– Серафима? – Геля склонилась надо мной, заслонив свет настольной лампы. – Голова болит? Мутит? Сколько пальцев видишь?

– Нисколько, ты мне свет заступила.

– Не бил я ее по голове, – шепелявила фигура в дальнем углу. – А палицей по привычке замахнулся.

– Вон! – канцлер вытолкал беззубого за дверь.

Я, с помощью Гели, села на твердом диване, осмотрела кабинет, в котором, кроме диванчика, были лишь стол с лампой под зеленым абажуром, плотные шторы на окне и два стула. Один хозяйский, другой для посетителей. Ножки последнего оказались приколочены к полу и на него направляла луч света лампа.

Подозреваю, что господин канцлер планировал барышню Абызову не на диванчике раскладывать, а на приколоченном стуле держать. Диванчик у него для других барышень задуман. Я даже начинала догадываться, для которых.

– Евангелина Романовна, голубушка вы моя, – сюсюкал Брют, – накажу разгильдяев примерно, уж будьте покойны. Мне всего лишь с Серафимой Карповной побеседовать хотелось, а эти дуболомы разницы между арестом и приглашением понять не смогли.

Артритными пальцами Юлий Францевич убрал от гелиного лица выпавший из прически локон. Я многозначительно кашлянула, напомнив о своем присутствии.

– Вот и подруга ваша в себя пришла. Не правда ли, Серафима Карповна?

– Желаешь о бесчинствах тайного приказа в канцелярию донести? – Спросила Евангелина деловито.

– Не желаю.

– Перфектно. Тогда я в приемной тебя дождусь. Его высокопревосходительство обещал долго не задерживать, чтоб мы на фильму не опоздали.

Когда надворный советник Попович покинула строевым шагом кабинет, канцлер угрожающе обернулся:

– Зачем пожаловала?

– И не хотела даже, – пожалала я плечами, – подчиненные ваши меня сюда затащили.

– Ты мне куражиться брось! Почему ты в Мокошь-граде? Сумасшедший Артемидор выгнал?

– На вакации отпустил, с родственниками повидаться. На Рождество обратно отбуду.

– Что постичь успела? В чужие сны проникать можешь?

– Не могу. Учитель сказал, рано мне еще с тонкими мирами работать, и сновидческие способности запер от греха.

Брют походил по кабинету из конца в конец:

– Получается, ты сейчас для меня бесполезна... Зачем в чародейский сыск проникла? Встречи с Иваном своим искала? Так я тебе сразу обскажу, чтоб ты лишнего не думала. Докладывали мне, что господин Зорин к кухне твоей женихается.

– Совет да любовь, – умилилась я фальшиво. – Только вы уж, Юлий Францевич, зятя моего будущего заботою не оставляйте. Мы же про конкретного человека договаривались, а не про его при мне роль.

– Наглая ты девка, Серафима, – Брют устало опустился на диван рядом со мной. – Но это ничего, это терпимо... Ну раз все равно в столице гостишь, будет у меня тебе задание.

– Вся внимание.

– К жениху присмотрись, будь любезна. Да не к чужому, Серафима, к своему. Анатолий Ефремович тревожить меня стал.

– Князь Кошкин? И что с ним не так?

– Если б знал, ты бы не понадобилась. У меня что-то такое... – канцлер пошевелил в воздухе пятерней, – ... на уровне ощущений.

Ссориться с начальником тайной канцелярии не хотелось. Тем паче, что задание его представлялось необременительным. Искать встречи с Анатолем я не собиралась, но ежели он сам пожелает визит нанести, отчего б не присмотреться.

– Через дней пару тебя в приказ приглашу для отчета.

– Если без палок и арестов, явлюсь с удовольствием.

– Ну так, ступай! Гелюшка, поди, тебя заждалась.

Евангелина Романовна вертелась перед настенным зеркалом и пыталась наживо приметать оторванный воротничок:

– Не уберегла мундира, – пожаловалась она. – Но, к чести моей, их четверо было.

Она воткнула иглу в подушечку в форме сердца, после засунув ее в верхний ящик секретарского столика.

– Отпустил тебя его высокопревосходительство? Тогда поспешим.

У подъезда ожидал нас приказной извозчик. До филъмотеатра домчались за три минуты.

– Что канцлер от тебя хотел? – Спросила чиновница, когда мы входили в нарядно украшенное фойе.

– Службой озадачить, – я высмотрела среди публики Маняшу с Мамаевым и приветственно им махнула. – Он меня личным агентом к себе определил.

– Эх, жаль ты доносить не стала!

– Кому? В тайную канцелярию на тайную канцелярию? Не смеши!

– Закон, Серафима, – сказала Попович с серьезной простотой, – один для всех быть должен. Это государственная основа, на ней вся Берендийская империя держится.

Я могла бы возразить, что держится она на деньгах, армии, несметных природных богатствах и паутине интриг, но не стала. Вместо этого быстро, пока не слышали Маняша с Эльдаром, спросила:

– Позволишь новый мундир тебе преподнести в благодарность за спасение от ночных татей?

И, расценив молчание согласием, подумала, что и перчатки Евангелине Романовне куплю новые.

Публики в фойе было презрительно разной, нарядной и не особо, дамы в туалетах для выхода в свет со спутниками, закутанные в меха купчихи, купцы, мастеровые, парочка гнумов и с десятков неключдов, к счастью, без гитар.

Геля возбужденно что-то рассказывала Мамаеву, когда мы рассаживались на обитых бархатом креслицах первого ряда.

– Канцлер для доклада вызывал, – поведала я няньке, вопросов не ожидая. – В кабале я у него.

Я села почти с краю, место по правую руку пустовало.

– Что-то ты, дитятко, со всех сторон закабалилась без моего пригляда. И у учителя в рабстве, и у приказного начальника.

Я вздохнула, соглашаясь:

– Не зря я этой силы не желала, одни от нее сложности.

– Про что доложила? Чего исполнить должна?

– Господин Брют по поводу моего нареченного опасения имеет. К слову, Маняша, князь Кошкин за эти месяцы визитов вам не наносил?

– Мне то уж точно нет.

– А вот ты, когда мне на Руяне являлась, велела его отыскать.

– Не помню, – отрезала нянька, – может, под венец тебя с ним благословляла?

– Нет, Анатолий тебе никогда не нравился, ты чего-то другого хотела.

– Тогда не нравился, а теперь я переменилась. Он, конечно, картежник и пьяница, но...

– А еще ты, когда в госпитале лежала, велела мне Зорину не доверять. Про это хоть не забыла?

– Про это как раз помню.

– Тоже переменилась? Тогда – «не доверяй», а сегодня ручками махала, что твоя мельница. «Ах, Иван Иванович, ах спаситель!»

– Ты, дитятко, одно уясни, – строго сказала Маняша, – нынче ты довериться никому не можешь. Впрочем, и раньше не могла. Только в прошлом у тебя эта невозможность от слабости происходила, а нынче от силы. Сарматки твои заполошные до сих пор по ночам орут, когда вспоминают, что их хозяйка огненным вихрем обратилась. Ты у нас кусочек нынче лакомый, от того и каждый тебя заграбастать хочет.

– А Зорин...

– А Зорин твой – служивый, он сам себе не хозяин. Конечно, Иван Иванович – мужчина приятственный и немало мне симпатичный, но рядом с тобой ему места нет. Обидит он тебя, дитятко, даже сам того не желая.

Окончание ее монолога поглотила бравурная музыка, которую начал извлекать из своего инструмента притаившийся в уголке под самым экраном, тапер. С первыми аккордами свет в зале погас. «Пленница безумной страсти», прочла я появившиеся на белой простыне буквы.

Иван Иванович потер виски и перевел взгляд от бумаг на темный прямоугольник окна.

Как же не вовремя она появилась, папина дочка Серафима Абызова. Загадочная, томная, пахнущая незнакомыми горькими ароматами. Родинка еще эта у рта...

– Отправил ценителей прекрасного на фильм? – Семен Аристархович вошел без стука и сразу набросил на дверь чары. – Митрофана куда подевал?

– Домой отпустил, присутственное время давно закончилось.

– Мамаев Гелю до дома сопроводит?

– Ну хоть здесь свой контроль ослабь, – улыбнулся Зорин. – Проводит и проследит, чтоб она тебя в приказе искать не вздумала.

– Понятно, – Крестовский придвинул стул для посетителей вплотную к столу и принялся барабанить пальцами по чернильному прибору.

Иван молчал, переживая начальственную задумчивость, после принялся складывать документы в папку.

– Злой ты, мужик, Зорин, – отмер Семен, когда тесемки папки уже завязались кокетливым бантиком, – ни слова от тебя приятного, ни улыбки.

– Когда ты в клеветы к господину канцлеру нанимался, другого отношения ждал?

Они рассмеялись и пожали руки, протянув их через стол.

– Не расслабляйся, интриган, – сказал Иван. – Давеча мне пришлось у Евангелины Романовны с боем книжицу Г.Артемидора отбирать, которую ты на видном месте оставил. А, если бы она Брюту на глаза попалась?

– Тогда бы он в случайности появления на Руяне блаженного сновидца разуверился. – Крестовский щелкнул по чернильнице. – Ну, ничего, до Рождества мы этот балаган закончим фанфарами.

– Боюсь, что с фейерверком, – Зорин поморщился. – Неожиданно новый персонаж на сцену ворвался, госпожа Абызова вакации в Мокошь-граде провести желает.

– Ох!

– Вот тебе и ох.

– Дрогнуло ретивое? – Подмигнул Крестовский другу. – А, знаешь, ее приезд нам может на руку оказаться. Эх, жаль, блаженный Гуннар, сновидчества барышню лишил, можно было бы попытаться в сон ее призвать, разведать подробности Брютовых интересов.

– Лишил?

– На время вакаций, всенепременно. Когда меня удостоили аудиенцией в первый, он же последний, раз, господин Артемидор пообещал, что использовать сновидчество для мелочных наших дел не позволит. А эта безумная порода мелочными все человеческие дела мнит.

– Это хорошо, – решил Зорин, – даже замечательно.

– Но лишает нас шпиона в тайном приказе.

– Так сами, Семен Аристархович, справляйтесь.

– Куда уж мне, придержу канцлера, пока ты землю носом роешь, и то хлеб. Эх, Ванька, спровоцировать бы эту братию, чтоб высунулись, чтоб эффектно дело представить!

– Хорошо, – сказал Зорин, будто решившись на что-то. – Будут тебе эффекты.

Глава вторая, в коей проходит первое заседание клуба не желающих опеки, а второе прерывается наидосаднейшим образом

Дьвушка начинаетъ выпъзсать въ светъ въ возрасте отъ 16 до 20 лѣтъ, смотря по ея развитію и также по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, относящимся къ ея матери и старшимъ сестрамъ. Жизнь в свете, дома и при дворе. Правила этикета, предназначенные для высших слоев России. 1890 г, Санкт-Петербург

Фильма мне не понравилась абсолютно. Глупости какие! Она, вся такая воздушная блондинка в кудряшках, он страстный неклюд. Она томила в отчем доме, он ее похитил, она томила уже у него, в цепях на бархатных подушках. Он тоже томился, но страстно. Ни скачек, ни погонь, ни револьверных выстрелов. Некого господина в бакенбардах, что явился деву спасать, неклюд заколол первым же шпажным ударом и возвратился к томлениям.

– Экая лабуда, – сообщила Геля, когда мы, среди прочей публики, покидали, по окончании, фильмотеатр.

– А дамам нравится, – Мамаев улыбнулся какой-то зареванной девице. – Небось, Бесника нашего теперь во снах видеть будут.

На слове «сны» я внутренне напряглась, а потом припомнила, что видала актера Беса раньше, именно что в женских фантазиях, знамо, не в своих. Эх, многое бы я сейчас отдала за свой личный сон.

– Извозчика кликни, – попросила я няню и принялась прощаться.

И так времени потеряно много. Вместо того, чтоб с Маняшей безнадзорно беседовать, сначала знакомствами отвлеклась, а после... Хотя в манипуляциях господина Брюта вины моей нет, кориться не собираюсь.

Дружелюбный Эльдар Давидович зазывал в «Кафе-глясе», но я отказалась, сославшись на дорожную усталость.

– Серафима Карповна, – шепнул чародей, склоняясь к ручке с поцелуем, – чародеек вашего уровня я прежде не встречал.

Приятный комплимент. И прикосновение было приятным, я чувствовала горячие искорки, что запрыгали между нами. Интересно, а жена у господина Мамаева есть? Не для себя интересно, ну, то есть, вовсе не от желания это место погреть. Просто, если Эльдар холост, то как он справляется с жаром, которым наполняет его естество чародейская сила?

Маняша уже всю командовала сугробом на облучке коляски, под сугробом был извозчик, но наружу торчали лишь руки с поводьями.

– Спокойной ночи, Серафима, – поклонился Мамаев.

Евангелина Романовна помахала мне на прощание. По дороге Маняша восхищалась фильмой и обходительностью сыскного чародея, а я шуршала запиской, незнамо как оказавшейся в моей перчатке.

Бобынины нас не дожидались, свет в доме был потушен, только крошечный светильник горел у подножия лестницы.

– Сон свой мне сегодня отдашь? – Спросила Маняша заговорщицки. – Хочется кое-кого навестить.

– Господина Мамаева, или фильмового лицедея? – Лукаво прошептала я в ответ. – Придется самой справляться, нянюшка, у меня, стараниями учителя, снов нет.

– Это получается, – Маняша замерла, прижала к груди руки, – я барышне Абызовой и не нужна боле? Сглаз на тебе и так сгорает, и вот...

– Нужна, – заверила я, серьезно. – Может, не для дела, а для жизни, но нужна определенно.

Мы вошли в спальню, Гавр открыл один глаз, закрыл и захрапел сызнова. Нянька добрела к козетке и, упав в нее, принялась беззвучно и безутешно рыдать.

– Нянюшка, – опустилась я подле, – не кручинься, сердечко мое. Обещаю, как только Гуннар с меня запрет снимет, первый же сон Марии Нееловой будет.

– Ага, ты в своих гишпаниях тогда окажешься, а я...

– Для сновидцев версты не помеха. Из любого мира с подарочком явлюсь, вот увидишь.

– Мира?

– Ну то есть, места, из любого места, – уточнила я после паузы.

Гавр зевнул, скатился с кровати, зарычал.

Обойдя эту громаду, я распахнула двери на балкон:

– Нагуляешься, стекла не колоти, постучи тихонько в раму и голос подай, я впущу.

Кот прыгнул со второго этажа в сугроб, после взлетел над крышами соседних домов и исчез из виду.

– Этот Гуннар, как именно тебя ограничил? – Спросила деловито нянька, стеля свежую постель. – Я имею в виду: забрал, или закрыл дар?

– Закрыл, – ответила я немного напрягшись. – Он же не ведьма, чтоб забирать.

– Тогда взломай эти запоры, дитятко.

– У меня не получится.

– Ты не пробовала.

Возражения у меня закончились, поэтому я промолчала.

– Сейчас из кухни тебе мяты принесу и к ночи переодену.

– Не мяты, – скривилась я. – Молока с медом лучше, или воды. Только не горячей, чем холоднее, тем мне приятственнее будет.

Пока нянька хлопотала вне спальни, я достала из перчатки записку Мамаева. Там был адрес. Улица Цветочная, дом с зеленым крыльцом, более ни буковки. Я скомкала бумажку и сдула с ладони горстку серого мелкого пепла. Эльдар Давидович рандеву со мною возжелал? Тоже искры ощутил меж нами?

Стало грустно и немножко противно.

Нянька бормотала привычные молитвы, в которые я, вопреки привычкам, вслушивалась.

– Расскажи, как ты с мужем своим познакомилась, – попросила, когда Маняша присела на краешек моей постели.

– Сто раз уже слышала.

– Не важно, ты, главное, говори, не замолкай, голос твой слышать хочу.

Она начала и продолжила, с теми самыми своими словечками и интонациями, которые я знала и любила.

А ночью у меня начался жар. Я металась на постели, Маняша до самого утра просидела, держа меня за руку. Я сжимала ее пальцы, удивляясь, какие же они холодные по контрасту с моими.

Перед рассветом в покои вошли обе Марты.

– Тс-с, – велела я девушкам, указав на спящую нянюшку.

– Вы больны, барышня?

– Уже нет, помогите мне Марию Анисьевну уложить.

Они захлопотали, устраивая Маняшу в смежной комнатке, а я, повернувшись к балкону, увидела Гаврюшу в позе глиняной копилки сидящего за стеклянной дверью.

– Лихорадит няньку-то вашу, – сообщила возвратившаяся Марта.

– Мой жар на себя приняла, – решила я повинно. – Присмотрите за ней нынче, чаю с малиной организуйте, бульончику, все что положено к нему.

Раздвинув двери шкапа, я кивнула на шерстяное платье с широко кроенной юбкой:

– Облачиться помогите, если спросят, куда барышня Абызова подевалась, отвечайте, что на телеграф, батюшке весточку отправить.

– Что ж, без сопровождения пойдете?

– С Гавром, – показала я на балкон. – А, ежели Наталья Наумовна про скандальное поведение причитать примется, скажете...

– Что не приучены хозяев с посторонними обсуждать, – присела толстушка в книксене, и обе горничные синхронно изобразили оскорбленную добродетель.

Одевая меня к выходу, девицы сообщали свежие сплетни. Барин, который Бобынин, совсем берега попутал, ни дня его никто трезвым не видит. Уходит вроде на службу, но на час, либо два позже начала присутственного времени, возвращается когда как, но редко до полуночи. Лакей – жеманник, в начале месяца в доме появился, строит из себя невесть что, и языкам-то обучен, и манерам, а сам...

Я слушала в пол уха.

Наташенька прислугу тиранит, хотя прислуга и не ее вовсе, каждое утро велит обеим Мартам себя одевать, а по вечерам Маняшу к себе кличет. Вчера, когда мы с нянькой отсутствовали, орала криком и ногами топала.

– Если вам ситуация тягостна, – предложила я, обматывая вокруг шеи концы башлыка, – может, домой вернетесь? Вы же не рабыни какие при мне, девушки свободные. Прервем контракты, да и закончим страдания?

Оказалось, что страдания вполне соотносимы с платой, которую девицы получают первого числа месяца у банковского поверенного. А на Руяне им зимой делать нечего. И, ежели будет моя воля, сострадание к девам проявить, так оставлю я все как есть. Опять же, замуж я скоро пойду, тут горничные и пригодятся, особенно, ежели я с детишками затягивать не буду.

– Пока Маняшу опекайте, – напонила я на прощание и вышла к Гавру.

Вот за что хотя бы можно высоко оценить моих руянских помощниц, удивить их уже ничем невозможно. Не побежали следом, спрашивая: «куда?», да «как можно?» Посмотрели сквозь морозное стекло, как уношусь я в предрассветный сумрак верхом на крылатом коте, да и шпингалеты на балконной двери позадвигали. Ну, то есть я надеялась, что запереть дверь они не позабыли.

Гаврюша пах грозью, опять, наверное, меж молний резвился, пока поесть времени не пришло.

– И как мы Цветочную улицу отыщем? – Спросила я в мохнатое ухо.

– Ав-р...

– Потому что любопытно. Я, может, с жовтеня ни одной записки от кавалеров не получала.

– Ав-р.

Кот мягко приземлился у потушенного уже фонаря в начале неширокой улочки, повел лобастой башкой.

– Извозчик! – Обрадовалась я. – Уж он-то меня, куда нужно, отвезет. А ты, мальчик, следом, крадучись. Не нужно твоим видом люд смущать.

Парень, дремавший на облучке, удивился ранней пассажирке, но воскликнул:

– С ветерком домчу, барыня. Цветочная – это через Мокошь, на другом берегу.

И мы поехали по просыпающимся столичным улочкам, по набережной, стылой и пустынной, по длинному широкому мосту, очутившись в солидном квартале ухоженных немногэтажных вилл.

– Зеленое крыльцо мне надобно, – уточнила я, поняв, что искомой улицы мы достигли.

– Это подойдет?

Наддверный фонарик освещал выкрашенные масляной краской балясины.

– С него начну, – я заплатила ассигнацией, судя по преувеличенным благодарностям, больше, чем парень рассчитывал.

Потопталась, ожидая Гавра. Тот буквально свалился с неба, когда повозка, с трудом развернувшись на Цветочной улице, покатила обратно в город.

– Ав-р...

– Подожди, мне подумать надо минуточку. Может, ну его, а, Гаврюша?

– Ав-р...?

– Потому что нелепо это, по нацарапанному адреску вприпрыжку прибежать. Никогда Серафима Абызова так не поступала!

– Экий у вас собеседник занятый, – из тени того, что в другое время года, наверняка было кустами, а сейчас представляло собою снежные сугробы, выступил на улочку и поклонился приказной чародей Мамаев. – Тот самый сонный кот?

– Сидеть, – скомандовала я Гаврюше, сжавшемуся для атаки. – Опасности нет. Доброго утрачка, Эльдар Давидович.

– Вы, Серафима Карповна, записку мою прочли?

– А вы, господин Мамаев, сомневались, что я грамоте обучена? – Язвительно спросила я. – Ваш домик, или снимаете?

– Ни то и ни другое, – Мамаев отчего то показал мне ношу – вощенной бумаги пакет с подушку размером. – Мы с вами сейчас к некоей чиновничьей даме напросимся. Евангелина Романовна очень свежую выпечку обожает, посему не прогонит.

– Геля? Простите, я отчего-то решила, что вы мне с собою свидание назначили.

– Не удивительно, готов спорить, что внимание мужского пола преследует вас повсеместно.

Он рассматривал меня и так и эдак, затем притворно вздохнул:

– Эх, жаль, что не я короткую соломинку достал, когда в приказе решали, кто именно на Руян отправится.

– Предположу, что тот, кто ее вытянул, испытывает те же чувства.

Эльдар как-то по-особенному толкнул калитку, и мы прошли по расчищенной тропинке к крыльцу.

– Так вы этого чувствительного господина вчера в фильмотеатре ждали?

– Простите?

– Я заметил, что вы нарочно сели с краю, и что никому свободное кресло по правую руку занять не позволили.

– Сыскарящая наблюдательность? – Хмыкнула я. – Думайте как вам угодно.

Пока чародей вдавливал кнопку дверного звонка и прислушивался к доносящимся из дома трелям, я велела Гаврюше:

– Погуляй пока, после позову.

– Ав-р, – кот повел мордой в сторону мамаевского пакета, вздохнул тяжело и сиганул через палисадник.

Дверь распахнулась, в клубах теплого домашнего воздуха на пороге появилась Евангелина Романовна в домашнем капоте и с заплетенными в косу волосами:

– Заходите быстрее, Серафима, Эльдар, доброго утра... Да поторопитесь! Холод-то какой!

В крошечной прихожей Мамаев сунул хозяйке гостинец, помог мне размотать башлык, снять шубку и провел в кухню.

Жила надворный советник скромно, тесновато, но чистенько и удобно. По утвари было заметно, что готовить она любит и умеет.

– Ватрушки! – Восхищалась Геля, шурша бумагой и выкладывая на глиняное блюдо выпечку. – Булочки! Расстегаи! Эльдар, ты просто чародей!

Мамаев занялся заваркой, видимо кофе по утрам здесь было не в обычае.

Я сидела за столом, что твоя барыня, молчала.

– Мы тебя ждали, Серафима, – сказала Попович. – Только я думала, что еще вчера появишься.

– А я заверял, что почувствую ваше, Серафима Карповна приближение.

– Ой, – забавно смутилась хозяйка. – Серафима Карповна. Мы же вчера на «ты» уже перешли? Или, как вам удобнее...

– В смысле, почувствуете? – Перебила я ее. – Ах, прости, Евангелина, конечно, давай по-простому без отчеств.

– Он на тебя какую-то вашу чародейскую метку поставил, на репейную коробочку похожую.

– Гелюшка иногда чародейство видит, – пояснил мне Мамаев, – только престранно.

– А иногда слышу или нюхаю...

– Вчерашнюю метку репьями вообразила. А ее, букашечка, никто рассмотреть не мог! Серафима Карповна, что ощутили, когда я руку вам на прощание целовал?

Мамаев достал с полки глиняный кувшин и ссыпал в него мелочь из карманов:

– Вперед за все «букашечки». Так что?

Щеки залил румянец. Что ощутила? Неуместное любопытство?

– Ничего.

– Вот! – Удовлетворенный ответом чародей, принялся разливать чай в разномастные кружки. – Времени у нас, девицы-красавицы, не особо много...

Я хлебнула душистого чаю, закусила пирожком с малиной. Обычно, когда с недостатка времени начинают, разговор петляет вокруг да около еще долго.

– Нам твоя помощь нужна, Серафима Абызова, – к удивлению моему, Геля приступила к главному.

– погоди, – Мамаев сунул ей ватрушку – Мне кажется, барышне Абызовой и самой помощь не помешает.

– Вы, ваше высокоблагородие, и мысли читать умеете? – Захлопала я ресницами.

– У вас мысли, Серафима, на лице даже не написаны, нарисованы, будто для малограмотных. Так что у вас с господином Зориным, и от чего вы няньке своей не доверяете?

– Осади, – строго проговорила Геля. – Давление неуместно, чай не допрос.

Я отставила кружку и засмеялась:

– Дражайшие сыскари! Представление «злой и добрый допросчик» для меня разыгрывать не надо.

– Тем более, что обычно в роли зла выступает Евангелина Романовна, – улыбнулся Мамаев. – Но ты, букашечка, записочку прочла и по адресу явилась, значит есть у тебя интерес.

– А ты... – я поискала мужеский вариант «букашечки», – миловал, мне этот адресок в перчатку с поцелуями затолкал, тоже не от равнодушия.

– Бубусик, – предложила Геля. – Его хорошо «бубусиками» крыть. Ну, что, Эльдар, ответишь барышне Абызовой? Или позволишь мне рассказать?

– Женщины! – воздел руки чародей.

– Проблемы у нас, – сказала Попович мне доверительно. – В приказе нелады. Начались после того, как Иван на Руян аффирмацию князя Кошкина добывать отправился. И мы с Эльдаром решили, что...

– Корень всех зол во мне кроется?

Геля пас не приняла, скандал не раздула:

– Шеф с Иваном секреты от нас завели, прикрываясь тем, что о нашей же безопасности заботятся. Я-то, понятно, приучена к пренебрежению. Женщина, да еще и не чародейка. То есть, я его не принимаю, но оно хотя бы понятно. А вот то, что Эльдара в эти секреты не посвящен, странно и обидно.

– Может господин Мамаев по этой части слабоват? По чародейской? – Едко спросила я, глядя на Эльдара.

– Может, букашечка, – не обиделся тот. – Поэтому хочется мне, убогому, к тайнам сим приобщиться.

Цветочные горшки на подоконнике подпрыгнули, перебив начавшуюся пикировку.

– Авр-р, – жалобно донеслось из-за стекла.

– Есть хочет, – я с извиняющейся улыбкой, взяла с блюда пирожок и понесла его к окошку.

– В дом кота своего зови погреться, предложила хозяйка. Холодно на дворе.

Гаврюша ворвался в кухню, облобызал меня, оросил то ли благодарственными слезами, то ли голодной слюной, и смел в один присест половину выпечки. Потом всхлипнул, поняв, что доесть остатки я не позволю, и улегся на полу в смежной спальне, заняв его практически от стены до стены.

– В большой семье клювом не щелкай, – пробормотала надворный советник и взяла последний расстегайчик.

– Я мало что могу вам про ваших коллег рассказать, – решив, что люди, позволившие моему разбойнику находится рядом со мной, заслуживают откровенности, начала я. – На Руяне господин Зорин сражался с навским демоном, а после...

Пытаясь собраться с мыслями, я отщипывала от булки, складывая из крошек узор на скатерти.

– Оказалось, что я попала в передрагу. Ну то есть, не сама попала, меня в нее как осла на веревочке завели. Иван Иванович за меня вступился, а на противной стороне выступали господин Брют и...

– Семен Аристархович Крестовский, – Мамаев торопливо заполнил паузу, чтоб не дать мне разнюниться. – Он сопровождал канцлера в путешествии, а вернулся уже с Зориным.

– Брют куражился, что я мужскую дружбу поломала.

– Они и правда не разговаривают теперь, – сказала Геля Мамаеву, а потом, утешительно, мне. – Не позволяй чужой вине на себя цепляться. Это неправильно. Виноват не тот, кому требовалась защита, а тот, кто нападал.

– Слышал от Ивана, что ты силы не желала? – Спросил Эльдар быстро. – Когда приняла?

– В тот день, когда Брют на остров явился, буквально за пол часа до визита, – я улыбнулась, вспомнив опаленные усы князя Анатоля. – Господин Зорин сказал: «Серафима, жги!»

– И ты зажгла, – Мамаев рассматривал меня, наклоняя в стороны голову. – Эх, Ванька... Уж не знаю, как он теперь с тобой справится.

– Обыкновенно...

– С собою пусть сперва справится, – Геля явно разозлилась. – Покорители чертовы! Неужто, каждая женщина подчиниться желает? Неужто, у нас даже надежды на равноправные отношения нет?

И Евангелина Романовна выдала нам такой объемный, такой эмоциональный спич на тему отношений между полами, что захотелось искупать ее в овациях.

– А теперь ты, Эльдар, на себя это примеряешь, каково это считаться слабым, и быть вследствие этой воображаемой слабости, опекаемым!

– В этот ваш клуб я, пожалуй, вступлю, – попыталась я смягчить неожиданный пафос беседы. – В клуб не желающих опеки.

И мы чокнулись чаем над усыпанной крошками скатертью.

– ... да нет, – говорила я уже через четверть часа, продолжая рассказ. – Вовсе не с господином Зориным мириться приехала. Ну расстались, и расстались, дело житейское. Он, кажется, неплохую замену мне нашел, тем более, что, как изящно заметил Эльдар Давидович, управы на меня нет.

– Это ты сейчас о барышне Бобыниной? – Мамаев хмыкнул. – Амурами там даже не пахнет, казенный взаимовыгодный интерес. Родственник этой барышни у нас по другому делу проходит...

Евангелина Романовна, кажется, наступила ему на ногу под столом, потому что чародей охнул и закивал, хватая ртом воздух.

– Простите, букашечки, размяк. Забываю, что две бырышни в рядах столичных чародеев-сыскарей, все еще являются непозволительной роскошью. А посвящать штатских в дела служебные некомифо.

– Мы в твою приватную жизнь соваться не будем, – сказала мне Геля.

– Помиришься с Иваном, – сказал мне Эльдар. – Он явно страдает. Ну, или, хотя бы, поговори с ним.

– Это не наше дело.

– Отчего же не наше? Ванечка мне друг, я о его счастии заботиться должен.

– Если ваш Ванечка мне кузину обидит, – повысила я голос, – будешь о его здоровье заботу проявлять.

Вдруг Геля замерла, будто прислушиваясь, достала из-за ворота какой-то кулончик и стиснула его в кулачке.

– Семен? – Подскочил Мамаев. – Вы собирались вместе на службу нынче идти?

– И не планировали даже, – хозяйка переводила взгляд с нас на Гавра, дрыхнущего на полу. – Наш заговор сейчас раскроют.

– Прячься, – велел Эльдар мне. – И кота своего...

Геля распахнула двери платяного шкапа:

– Перфектно! Кота уменьшить можешь?

Я замотала головой, но вопрос был обращен к Эльдару.

– Ну, в принципе, если сделать из него дамскую собачонку, собачечку такую, навроде этих яматайских, либо хинских... Позвольте ручку, Серафима Карповна. Мне, по сирости, требуется вашей силушки зачерпнуть.

Цепкие пальцы Мамаева обхватили мое запястье, вторую руку он простер к Гавру.

– Авр-р? – крошечное кривоногое лупоглазое нечто, возящееся сейчас на полу, рычало густым гаврюшиным басом.

– Это не собака! – Подхватила я нечто и полезла в шкап.

– Авр-р!!!

– Шубу! Эльдар, да не суетись. Вообще лучше одевайся сразу, на пороге его встретим.

– А Серафима?

– Потом выйдет, сама.

– Тогда зачем ты ее в шкап засунула?

– В аффекте!

Кажется, приказных сыскарей обучают скоростному одеванию, может и турниры даже проводят. Если да, кубок победителя у надворного советника Попович уже на полке пылится. Геля юркнула за ширму и через две с половиной минуты появилась из-за нее, облаченной в мундир. Заглянув ко мне, чмокнула в щеку:

– Прости, и правда неловко вышло. Присутствие в шесть закончится, давай встретимся в половине седьмого в «Крем-глясе», договорим?

– Постараюсь.

– Не придеешь, я час ждать буду, а после к Бобыниным поеду, тебя из плена вызволять.

– А я? – От двери спросил Эльдар.

– А ты не поедешь, потому что с хозяином дома слишком близко и под другим именем знаком.

И они ушли, прикрыв, но не заперев входную дверь.

Я вылезла из шкапа, поставила на подоконник «собачечку», увидела сыскарей, сидящих в повозку, коей правил нарядный господин Крестовский и пожаловалась Гавру:

– Мало того, что такого красивого мальчика уродцем обратили, теперь и верхом на тебя не сядешь. Страдать будем оба, пока Эльдар Давидович свое заклятие не снимет.

– Ав-р, – согласился «собачечка», почавкивая азиями из цветочного горшка.

В отличие от меня, Гаврюша своими новыми размерами не тяготился, путешествовал за пазухой, в тепле и неге, пока я брела по бесконечному мосту в тщетных попытках разглядеть сквозь метель извозчика, рывкнул на мальчишку-карманника, попытавшегося меня обработать у москательной лавки, и задремал, когда извозчик отыскался, и до дома мы уже поехали с комфортом.

– Это что за кракозябра? – брезгливо спросил лакей, принимая мою шубу.

– Салонная собачечка, – проводила я взглядом Гавра, на своих кривых лапках забирающегося по лестнице. – Редкая, модная, дорогая.

Со второго этажа до нас донесся басовитый рык и визги горничных.

– Дикие девки, никакого о салонных модах понятия, – решил лакей вполголоса.

Я взбежала в спальню. «Собачечка» лежал на подушке и готовился отойти ко сну, Марты сидели на козетке и боялись пошевелиться.

– Барыня!

– Барышня!

– Тс-с, – приложила я к губам руку. – Тише, милые. Почивать буду до обеда. Притомилась что-то.

Мне помогли переодеться в домашнее платье, шепотом сообщив, что Маняша вся горит, но в себя приходила, чтоб бульончику откусать и чаем жажду утолить, что мокрые полотенца у нее на челе меняют каждые четверть часа, что Наталья Наумовна моей рассветной отлучкой недовольна, и что барин еще не вставал.

Я легла поверх постели, укрылась пледом, Гавр сонно подполз под бочок, свернулся калачиком.

Вспомнилось мне лицо Артемидора, резкое, нервное, и речи его. «Слабость чародея от его силы проистекает. Привыкаете вы слишком на силу полагаться, не умом жить, не сердцем, а лишь силою безразмерной неисчерпаемой».

От того он мне сновидчество и запер, чтоб котелок варил.

«Тебе, Серафима, и так неплохо будет. Девка ты недурственная. Да чего там, красотка-девка, к этому тебе еще огню отсыпано с горсткой. Проживешь отпущенный век с удовольствиями. А то, что снов лишена, так это ничего, вполне терпимо. Представь, будто до сих пор ведьме сны отдаешь, и вся недолга».

Без моих снов Гаврюша хирел.

«А хоть бы и издох вовсе, – кипятился учитель. – Сонным котом больше, сонным котом меньше. Все равно они не более чем грезы в вашем, человеческом, понимании».

Без снов я не могла повидаться с...

«Он не принял тебя, дура! Я слышал ваш разговор от первого до последнего слова, я видел, как жалко ты лебезила перед этим чародеишкой!»

Знала бы тогда, что под присмотром, не лебезила бы поди.

«Решайся, Серафима. Последний рубеж тебе взять предстоит. Долгий, действительно долгий сон. На год, либо более. Его еще называют летаргическим, реже – забвенным».

На забвение я была согласна, только хотела сначала закончить незаконченное, найти, разыскать, вернуть Маняшу Неелову. Потому что женщина, хворающая сейчас в смежной с моею комнатке, Маняшей не была.

Когда я это поняла? Да уж не сразу, поначалу так обрадовалась Маняшину спасению, что котелок варить перестал, уже потом, вспоминая, анализируя всякие мелочи, вроде поворота головы, или движения рук. На самом деле, факт у меня был один, но мощный. Когда я бегала по руянскому госпиталю с поисках своей страдалицы, сперва в палату через дверь заглянула, где лекарь Гаспар беседовал с пациенткой. Беседовал! Отвечал на реплики, выслушивал ответы! Лекарь не владеет берендийским, это я сразу после выяснила, а то, что Маняша по-французски не понимает, темой для шуток промеж нас всегда служило. Мелочь? Нет, звоночек. Второй прозвенел, когда мы с Иваном Ивановичем в руянской деревеньке ведьму Агату в последний путь провожали. Старуха твердила всем, что не Агата она вовсе, что из лап Крампуса в тело ведьмы вернулась ее младшая сестра. И, наконец, третье. В моем видении Мария Анисьевна сетовала, что злые люди нас с нею разлучили. Люди. Множественное число.

Артемидор, когда я про свои «звоночки» ему рассказала, смеяться не стал.

«Если хочешь ответа от меня добиться, и не мечтай. Мне лень. Возможно, невозможно, это слова, которыми невежественная тупость пытается обозначить для себя границы окружающего мира. Невежественная человеческая тупость. У тебя возникло ощущение, предчувствие? Так у тебя, не у меня, тебе, Серафима и надо с собою разбираться».

И я довольно долго копалась в себе, складывая разрозненные кусочки воспоминаний как инкрустатор свою мозаику. Когда исходные материалы закончились, опять обратилась к учителю.

«Не позволю, – ответил он строго. – Чтоб с тонким миром работать, кроме таланта, сноровка требуется, у тебя ее нет, и не будет, пока забвенный сон не пройдешь. Ну примешься по чужим сновидениям рыскать, как отделишь воспоминание от фантазии либо намерения?»

Можно было, наверное, сперва доучиться, а после... На это я пойти не могла.

«Ты целиком мне нужна, Серафима, – сказал учитель. – Сосредоточенная, пустая, готовая открыться и принять, без подавленной тревоги за подругу, без любовного томления по смешному Иванушке. В мир ступай, утоли тревоги, тогда приходи. Времени у меня много, но тебе столько не дам. До середины зимы отсутствовать можешь, не более. Опоздаешь, можешь вовсе не возвращаться».

И он в последний раз открыл мой сон, чтоб могла я посоветоваться с бабушкой, а еще сказал, что за Гаврюшей моим присматривать не намерен, потому что ему не хочется и лень, и что мне надо было, прежде чем чужих сонных котов воровать, о последствиях думать.

И вот теперь у меня под боком уютно храпела «собачечка», а в смежной комнате металась в жару фальшивая Маняша.

Вчера она уговаривала меня попробовать снять сонные запоры. Зачем? Для какой надобности? И болезнь моя тоже казалась сейчас подозрительной. Ну не могу я простужаться, никогда за мною такого не было.

Сон без сновидений – штука довольно неприятная, это я уже теперь стала понимать. Он дает отдых телу, но не позволяет отдохнуть душе. Для душевного покоя я фантазировала, представляя перед мысленным взором бесконечную фильму, в которой изображала то прекрасных принцесс, то отважных дам-рыцарей, а то и кровожадных чудовищ. Но всегда в фантазиях присутствовал еще один человек, тот самый, что так равнодушно меня отверг.

Вспомнив нашу первую и последнюю после Руяна встречу, я застонала от стыда и разочарования.

«Человек отличается от животного в том числе тем, что обуздывает желания, которые расходятся с моралью».

Не обнял, не поцеловал, не обрадовался расчетливо эффектному появлению.

«Играть с чужими чувствами – гнусно и недостойно».

Как я после той отповеди с ума не сошла, попросту удивительно.

С чувствами играть недостойно? А что ж ты Наталью Наумовну разыгрываешь, моралист? Натали, бедняжка, на платочках уже новые монограммы нашивает, я взглянула вчера мельком. «Н.З.» у нее на пальцах шелками блистало. Наталья Зорина! А если ты, притворщик, не притворяешься вовсе, а искренен в проявлении симпатий, тогда сердце мое ты разбил. И тогда, Болван Иванович, мстить тебе буду, со всей силой девичьего гнева!

Интересно, а как девичья мстительность соотносится с идеями суфражизма, которые проповедует моя новая подруга Евангелина Романовна? Достаточно ли в моих мыслях равноправия? А еще интересно, как суфражистка-Геля обожания Брюта принимает?

Тут я захихикала, вспоминая, как грозный канцлер растекался перед надворным советником лужицей растаявшего мороженого.

Седина в бороду, бес в ребро, не иначе. Она-то в неведении, или неведение изображает. Вот, кстати, еще любопытно, гелечкина святая простота – это притворство, или склад характера? Ежели первое – то от меня почтение и аплодисменты, а еще в ученицы после попрошусь. Высокий класс. А вот, если второе... То быть того не может!

С Иваном у нее нет ничего, решила я, вызвав в памяти наш совместный поздний обед. С Эльдаром Давидовичем, впрочем, тоже амуров не заметно. Он-то явно не прочь, но у Мамаева столь женолюбивая натура, что он с кем угодно флиртовать пытается.

Крестовский. Точно! «Ах, наш шеф не такой, а сякой и разэдакий...» И еще Эльдар спросил, собирались ли Семен с Гелей вместе в приказ ехать.

Значит, Юлий Францевич и Семен Аристархович – соперники за сердце прекрасной Евангелины? Какой манифик! Ни в одной фильме до такого не додумаются!

– Авр-р...

Басовитое ворчание под мышкой сообщило мне, что валяться далее – преступно по отношению к братьям нашим меньшим, голодным страдальцам, которые поспали, а теперь хотели жрать.

– Вережки ты из меня выешь, – зевнула я. –обеда дожидаться никак?

Ворчала по привычке, уже нащупывая ступнями домашние туфли.

Гаврюша за движениями моими следил с одобрительным вниманием. А, убедившись, что я пошла к двери, зарылся в плед, досыпать.

Бобынинскую кухарку величали Акулиной. На отчество она не отзывалась, поэтому за неиспользованием, я его позабыла.

– Так чего сами ножки трудите, барышня? – Проговорила она, выслушав мою просьбу. – Сейчас девицы сарматские вернуться, я их в чуланчик за дровами отправила, да и покормят вашего питомца. А вы к барыне в гостиную ступайте, девичьими делами займитесь. У нее-то, голубицы нашей, подруг не осталось совсем, кто замужем, а кто за границами в ученьи.

Акулина была бабой пожилой, поэтому могла себе позволить в отношении меня некоторые вольности, даже указывать.

Прихватив с тарелки хрустящий пирожок, я отправилась к кухне.

Наталья Наумовна сидела за столиком, смягченный тюлевыми занавесками свет для рукоделия был слишком слаб, зато прелестно обрисовывал девичий силуэт.

– Фимочка, – Натали отложила пальцы, кивнула с приветливой улыбкой. – Что ж ты аппетит перед обедом перебиваешь?

Пожав плечами, я дохрустела, вздохнула, сытости не ощутив, и присела на свободный стул:

– Все же твоя Акулина – великолепная кухарка. Иногда так и хочется ее к себе переманить.

– Попробуй, – разрешила кузина. – Я кстряпне ее равнодушна, а ты в новом положении вполне сможешь своих людей на кухню нанимать.

– Мы вернемся к этому разговору, когда батюшка наконец позволит мне тебя не стеснять, и своим домом в столице жить.

– Какие стеснения, милая Фима! Твоими гостеваниями я счастлива сверх меры. Хоть вечность живи. Я имела в виду вовсе не это. Обручение твое с князем Кошкиным закончится свадьбой, думаю не позднее начала травения. Кажется, положенные в этом случае пол года, тогда как раз истекнут. Хотя, если позволишь, я бы посоветовала другой месяц для венчания выбрать.

– Не каждое обручение заканчивается свадьбой, – кисло возразила я. – И довольно часто длятся они более полугода.

– Это, когда дело не касается политеса императорского двора. Фимочка, да ты, кажется, не осведомлена о тонкостях, с которыми тебе придется столкнуться? Может, ты и объявлений не видела?

Не дожидаясь ответа, Натали вскочила, подбежала к полированному шкапчику в углу гостиной и извлекла из-за дверцы плюшевый толстенький альбом.

– Где же оно? – Разложила она передо мною находку и принялась листать.

На мелованные странички были с тщательностью вклеены десятки газетных вырезок, под каждой, вписанные от руки, стояли дата и название издания.

– Вот, изволь.

«Мокошь-градские ведомости» сообщали, что князь Кошкин, Анатолий Ефремович, с благословения его величества Берендия Четырнадцатого, обручился с девицею Абызовой Серафимой Карповной в личной резиденции на острове Руян.

Объявление обрамляли гирлянды с херувимами и розовыми бутонами.

– Про пол года ведь не написано? – поморщилась я от художеств.

– В оглашении, нет. Но, Фимочка, и прочие газеты про вас писали, а я для тебя собирала все. Прими, дорогая, сей маленький презент от чистого сердца.

Пришлось принимать, с фальшивым вниманием перелистывать. Читать, не читала, но некоторые строчки буквально впрыгивали в глаза.

«...История страстной любви провинциальной купчихи с берендийским князем...»,

«...повеса К., наконец остепенившись...», «...пикантная брюнетка с родинкой у рта повергла к своим ногам...»

Зажмурившись, чтоб не видеть всего этого непотребства, я выдавила благодарности.

– Ах, прости, Фимочка. – прежде, чем мне удалось захлопнуть альбом, кузина выдернула из него ненаклеенную заметку. – Это уже мое.

Виньеток там не было. Сухим казенным языком сообщалось о проведении торжественного заседания у генерал-губернатора, на котором...

– Господина Зорина орденом наградили? – Спросила я без улыбки. – За верную и безупречную... Прости, дальше дочитать не успела.

– Так точно, – счастливо ответила Натали. – Иван скромничает, говорит, что тогда всех подряд к этой награде представили, но я такую гордость испытываю...

Глазки ее увлажнились, кузина принялась обмахиваться заметкой, будто веером.

Кажется, я скрипнула зубами.

– Ах, Фимочка, – щебет продолжался, – не думала, не гадала, что и на моей улице праздник будет. Тебе-то, милая, наши отношения могут казаться мелкими и неинтересными, в сравнении с твоею историей, но для нас это чудо! Впервые за всю свою жизнь я ощутила себя за каменной стеной, почувствовала любимой и желанной.

– Ну, ну, – раздалось от двери недовольное ворчание. – Посмотрим, сестрица, крепка ли твоя стена, или при первой же непогоде размоется.

Аркадий Наумович вошел, поправляя рукава своего мундира.

– Серафима, здравствуй. Давайте обедать, барышни, после мне обратно в контору вернуться надлежит.

– Бонжур, кузен, – обрадовалась я. – Будь любезен мне адрес своего портного сообщить, мне мундир заказать требуется.

Бобынин сообщил и пустился в рассуждения о тонкостях кроя и качествах сукна. Тема любви и браков, к счастью, более не поднималась.

Вскоре лакей пригласил нас к столу. Аппетита отчего-то не было, что позволило кухне сызнова попенять меня вредными перекусами.

– Акулину не обижай, – велел мне Аркадий. – Откушай, а то худа больно стала.

Он с усилием перевел взгляд от моей груди.

Неужели Аркаша до сей поры мыслей своих на мой счет не оставил? Была у нас стычка, давно была. Прижал меня однажды братец к перильцам, отроковицу четырнадцати лет, дыхнул в нос перегаром, да принялся юбку задираť. Синяков еще наставил презрительно. Маняша меня тогда спасла, схватила напольную вазу с межэтажного проема, да и опустила на барскую голову.

Он после извинялся, умолял батюшке не жаловаться. Я и простила. А нянька потом слышала, как он приятелям в гостиной говорил, что я сама перед ним хвостом крутила, блудница загорская.

Я прикрыла грудь салфеткой и принялась откусивать. Акулина действительно кухарка каких мало. И одна же у плиты хозяйничает, без поварят, а все успевает. И суп наваристый с крендельками, и нежнейшую телятину на вторую перемену, и десерт – яблочный штрудель по швабскому рецепту.

На штруделе меня стало клонить ко сну. Осоловевшим взглядом я посмотрела на часы. Если сызнова на боковую отправлюсь, на дрему у меня меньше часа останется. С Евангелиной Романовной на половину седьмого уговаривались.

– Ты в контору на извозчике поедешь? – Спросила я Аркадия. – Позволишь компанию составить?

– К портному тебя завезти?

– Было бы чудесно! Обожди, я мигом переоденусь.

Отложив салфетку, я побежала к себе, не забыв, впрочем, заглянуть на кухню с комплиментами Акулине.

Марты поднялись при моем появлении с козетки.

– Что вам в своей комнате не сидится? – Спросила я, передвигая плечики с платьями.

– На первом этаже? – Вопросы девицы в ответ. – От Натальи Наумовны в близости?

Они споро меня переодели и даже причесали, плотно заколов шпильками непослушные прядки. Я прошлась, стуча каблуками, проверяя удобство шнуровки высоких ботильонов.

– Шубку какую?

– В прихожей надену, две перемены шуб в день даже для барышни Абызовой чересчур.

– А как же собаченька, ее с собой не возьмете?

Собаченька их пугала. Судя по количеству пустых мисок, которые не успели еще вернуться на кухню, былинным аппетитом в том числе. О чудесном превращении Гавра я горничным не сообщала, рассудив, что нечего девицам еще и чародействами голову забивать.

– Придется брать. – Сообщила обрадованным Мартам. – Корзинку подайте, в ней понесу.

– Которую?

– В которой рукоделие. Нитки с иглками долой, да шалью дно прикройте для мягкости.

Я спустилась к Аркадию Наумовичу эдакой Машенькой. Не садись на пенек, не ешь пирожок.

– Кузина, – Бобынин самолично подал мне шубу, – все хорошеешь.

Мне показалось, что руки его дольше необходимого задержались у моих плеч. Гаврюша решил так же, зарычал из корзинки, которую, пока я одевалась, держал лакей.

– Ав-р, ав-р, ав-р-р!

– И защитники твои выглядят все нелепей, – Аркадий первым вышел на крыльцо.

Чинovníчий портной обитал в глумской слободке и являлся, соответственно, глумом.

– Коллежский асессор Попович? – Переспросил он, когда я изложила тонкости заказа.

Я бросила быстрый взгляд в сторону Бобынина, который ожидал меня, перебирая суконные рулоны, сваленные на столе, и понизила голос:

– Вы, господин Файнтух, Евангелину Романовну уже обшивали? Только она в другом нынче звании.

– Если вы, барышня видите, что мое дело семейное еще худо-бедно идет, значит с вашей Поповичью я его не имел. – Он покрутил в воздухе пальцами, длинными, которые подошли бы скорее музыканту. – Торгуется она, чиновница ваша.

– Об этом можете не волноваться, – улыбнулась я, – торговаться не буду. Барышня Попович по моей милости мундир свой попортила, желаю ей новый презентовать.

Глазки глума зажглись алчными огнями, он пожаловался, что на дамские мундиры сукна уходит больше, чем на мужеские, что лекала для кроя придется одалживать, что...

Я поглядела на часы с кукушкой, висящие на стене, зевнула, прикрыв ладошкой рот, потрепала за ушком Гавра, и жеманно протянула:

– Ваши трудности, любезный мастер, разверзают в моей душе бездны сострадания. Давайте сделаем так: вы сейчас упаковываете мне тот мундир, что для Евангелины Романовны по ее заказу шили, а я заплачу втрое от обещанного.

Глум посмотрел на часы с кукушкой, зевнул, рот не прикрыв, и «собачечку» ласкать поостерегся.

– Вчетверо?

– По рукам, – сказала я без жеманства.

Льняная занавеска, закрывавшая дверной проем в смежную комнату, была сразу отодвинута, и глазам моим предстал ростовой манекен с черным дамским мундиром на нем. Глум-подмастерье стал его снимать и заворачивать в хрустящую упаковочную бумагу с названием заведения.

– Не знаешь ты, Серафима, деньгам счета, – укорил меня Аркадий Наумович, когда мы вернулись к коляске. – Впрочем, чего еще от кисейной современной барышни ожидать.

Я обиделась. А сам-то! Видела ведь, что он в рулонах на столе не просто так рылся, искал что-то, а когда нашел, на то место стопку ассигнаций засунул.

– Натали к вашей кисейной породе также принадлежит, – не замечая моей обиды, продолжал кузен. – Цветы, наряды, лакомства. А стоит на транжирство указать, моментально обиды и угрозы. Не имеешь, братец, права мне указывать! Я жениху пожалуюсь, уж он-то меня защитит.

Он возбужденно жестикулировал, чуть не вываливаясь из коляски, говорил громко, с драматическими интонациями. Если бы я не провела с ним последние два часа, решила бы, что Аркадий Наумович попросту пьян. Но к обеду вина не подавалось, а от рюмочки наливки за десертом, взрослого мужчину так развезти решительно не могло.

– Ты-то, Серафимушка, своему жениху на меня не донесешь?

– Есть за что?

– За меня тебе замуж надо было, – всхлипнул кузен. – И деньги бы в семье остались, и...

Какие еще выгоды проистекли бы от нашего с ним брака, Аркадий Наумович, видимо, придумать не смог. Он бы и трезвым не сподобился, а уж в сумеречном своем состоянии и подавно.

Кузен хочет денег, только их. Не подозревает в ослеплении, что счастья они не приносят, и спокойствия, и даже защиты. Хорошая берендийская поговорка есть – от сумы да тюрьмы не зарекайся. По воле канцлера Брюта вся семья Абызовых в один миг и то и другое получить может. Дело о заговоре и покушении никуда не делось, лежит в шкафу тайной канцелярии, и на столе окажется сразу, как его высокопревосходительство решит. И папенька о том знает, поэтому и в границы империи ни ногой, ждет, пока я в силу войду, пока смогу семью защитить.

– Сновидцы, Фима, особое чародейское сословие, каждый из них при императорском пригляде и благоволении, каждого свое царство-государство бережет и пылинки сдувает. Станешь сновидицей, даже канцлер над тобою власти не получит.

– Вам, папенька, не приходила мысль, что наше величество тоже может оказаться не самым симпатичным субъектом? Не попасть бы из огня в полымя.

– Управление в нашей отчизне не только монархом производится. Есть еще сенат, министерства, священный синод.

– И никому из них сновидцы не подчиняются, мне учитель сказывал, что мы вне государственной политики существуем.

– То-то и оно. Вы принадлежите миру в общем. Это твой учитель сказывал уже мне. Только вот не желает объяснять, блаженный чародей, для чего именно вы этому миру так уж нужны.

– Папенька, я если я не захочу, если пожелаю только себе принадлежать?

– Неволить не буду, – родитель тогда обнял меня крепко, – только, Фимка, не попробуешь, не узнаешь. А труса праздновать, после жалеть о том, чего не сделал, не по-нашему это, не по-абызовски. Не сдюжишь, беды особой не будет. Найдем местечко под солнцем, скинем в отечестве капиталы, как ящерка хвост, может откупимся этим. А на пропитание я тебе везде заработаю. Мне же главное, чтоб было для кого стараться. Замуж тебя выдам за простого человека, потому что, читывал в медицинском журнале англиском, что у чародеев меж собою редко детишки получаются. Ты мне внуков родишь, заживем!

На этом моменте я батюшкины фантазии прервала, потому что ощутила в его тоне тревожные нотки предопределенности. Подготовил уже Карп Силыч отступление, точнее точного. И местечко облюбовал, и недвижимое прикупил соответствующую, и, может, господинчика нужных статей приметил. Ну характер такой у моего родителя. Недюжинной основательности человек.

Пока я предавалась воспоминаниям, коляска наша уже катилась по бульвару, а Аркадий Наумович, утомленный своим страстным монологом, откинулся на спинку, задремав.

– Сойду здесь, пожалуй, – разбудила я его. – Вели кучеру остановить.

– Не желаешь мою контору посетить?

Его контору! Пришлось скрыть улыбку от этого хвастливого заявления.

– Подруга меня ожидает, – я кивнула на корзинку, предлагая собеседнику дальше думать, что встреча подразумевает передачу «собачечки».

– Что за подруга? Какого звания? Как твой старший родственник, Серафима, я обязан...

– Аркашка! Друг! – Через борт почти остановившейся коляски к кузену обращался развеселый господин. – На службу? Представишь прелестной барышне?

Поначалу не признав Мамаева в статском платье, я молча хлопала глазками. Кучер остановил лошадь.

– Господин Папаев, – без удовольствия представил Бобынин, – Эльдар Давидович, чиновник по морскому ведомству. А это, моя кузина, Серафима Карповна Абызова.

– Счастлив знакомством, – Эльдар перевесился через борт, чтоб приложиться к ручке, но приложился к мокрому гаврюшину носу.

Гавр чародея признал и встрече непритворно обрадовался, видимо ожидая, что тот всегда пирожки с расстегаями при себе имеет.

– Авр-р? – Выпечки не было, к эдаким ударам судьбы «собачечку» жизнь не готовила.

– Как все пречудесно образовалось, – я кивнула Аркадию, – ты, братец, вместо спутницы приобрел спутника, скучать вам не придется. Господин Папаев, извольте мне помочь.

Я спустилась на мостовую, опершись на Эльдарову руку. По ней сразу же побежали знакомые огненные искорки.

– Аркадий, будь любезен, корзину, пакет.

Заняв обе руки ношей, присела в книксене:

– Хорошей прогулки, господи.

– Экая штучка, – довольно громко сообщил Мамаев, усаживаясь в коляску на мое место. – Это в каких же краях таких нимф...

Окончание фразы скрало расстояние, уличный шум и стенания голодного Гавра. Пришлось сей же момент покупать ему у лоточника связку баранок, и терпеть толпу зевак, желающих полюбоваться прожорливым зверьком.

– Куда только оно все помещается? – Ахал лоточник. – Покупайте, люди добрые, наивкуснейшие баранки. Тварь бессловесная врать не будет, вишь, как уплетает!

Желая поддержать бойкую торговлю, нам спрезентовали еще одну связку.

– Тварь ты, – сокрушалась я, – разбойник. Что ж ты меня позоришь? Можно подумать, я тебя голодом морю.

– Ав-р, – чавкал Гаврюша. – Ав-р...

Завидев третью связку, которую нам собирались поднести, я позорно бежала. Холодный ветер проникал под юбку, мороза щиколотки. Поэтому шага я не сбавила, даже когда толпа осталась позади. Однако, куда же подевался весь мой огонь? Мерзнуть было непривычно и неприятно.

– Чаю, – первым делом попросила я в «Крем-глясе», – много горячего чаю, пожалуйста.

– Наливочку к нему рекомендую, – интимно предложил официант. – С морозца самое то.

Я кивнула, поискала взглядом Гелю, ее рыжая голова пылала на фоне камина.

– За тот столик поднесите.

– Это что? – Спросила Евангелина Романовна, рассматривая пакет, который я сунула ей в руки, едва поздоровавшись.

– Это замена тому мундиру, что ты из-за меня разорвала.

Попович приняла не сразу, подумала минутку, видимо, прикидывая, считается ли сие подношение взяткой, после улыбнулась:

– Благодарствую, Серафима Карповна. Подарок полезный, я мундиры порчу с прискорбной быстротой.

Ямочки у нее на щеках появились милые, в зеленых глазищах читалось добродушное спокойствие. Как же она мне нравилась в этот момент! Очень хотелось, чтоб она именно такой и оказалась, не хитрой притворщицей, а доброй и честной девушкой, которую в подругах кто угодно иметь захочет.

– Файнтух? – Геля прочла название на упаковке. – Хороший портной.

– Ты у него обычно обшиваешься?

– Обычно не у него, дорого сей глум за свою работу просит. Однажды заказала, только в приказ на службу прибыв, ну и третьего дня, когда поняла, что...

– Поняла что?

Но Евангелина Романовна отвлеклась на Гаврюшу, корзинка с которым стояла на соседнем стуле. Я догадалась, что дальше подразумевалась информация служебная, не для моих ушей, и слегка огорчилась.

– Только третьего дня решили его лавочку прикрыть? – Как раз принесли заказанное, поэтому спросила я, переждав, пока официант удалится.

– Прости? – Геля скармливала бездонному Гавру мороженое, поэтому замерла с занесенной ложечкой.

– Уж не знаю, как это у вас, сыскарей, называется, – принялась я жеманничать. – То место, где запрещенными зельями приторговывают. Притон? Вертеп? Ну, когда официально все чин-чином, мастерская с заказами солидными, а из-под полы, тайно... Удобно еще между ткаными рулонами пузырьки да пакетики засовывать. А уж люди знающие, где искать, вместо склянок и пакетиков деньги оставляют.

– Ты... – Геля отдернула руку, в которую вцепилась «собачечка», отложила ложку и прямо в корзину поставила креманку с мороженым. – Как ты умудрилась все это выяснить?

– Талант, букашечка, – Эльдар переставил корзинку и уселся, оказавшись между мной и Попович. – У нашей огненной Серафимы еще один талант обнаружился.

– Господин Папаев! – Умилилась я фальшиво. – Какая у вас бурная фантазия в подборе псевдонимов! Вы, часом, не купец?

– Я, Серафима Карповна, князь, – четко проговорил чародей.

– Сейчас начнет кинжалом махать, – хихикнула Попович. – Оскорбили, обидели. Князь ты, князь басурманский, и род твой древний. Что нам теперь с талантливой барышней Абызовой делать, а?

Мамаев вовсе не обиделся, обозвал Гелю букашечкой безнаказанно, мне подмигнул:

– Желаете, Серафима Карповна, на службу? Вольным агентом вас в чародейский сыск определим. Жалованье вас, пожалуй, не привлечет, зато интересностей и опасностей обещаю много.

– Будь я мужчиной, Эльдар, – Евангелина Романовна сложила молитвенно руки, – я бы тебя сейчас расцеловала.

– Все вы в этом, суфразистки! В общем за равноправие, а как до поцелуев доходит, «ах, я же барышня...» – покачал головой Мамаев. – Ну, Серафима, решайся.

– Начальник ваш не позволит.

– А мы ему про такие мелочи докладывать не обязаны.

– Неужели Семену Аристарховичу наврешь? – Посмотрела я в зеленые гелины глаза.

– Врать не буду, – вздохнула девушка. – Если спросит, отвечу прямо. Только он не спросит, он в последнее время всеми силами служебных тем избегает.

– Никто не собирается обманывать, – успокоил нас Эльдар. – Разрешения просить мы не обязаны, а после... Ну что они нам сделают? Примутся барышню Абызову памяти о том, что мы ей рассказать успели, лишать?

– У вас сновидцы в приказе есть? – Спросила я быстро.

– Что? – Эльдар выложил на стол серебряную цепочку с подвеской-звездочкой. – Не томи. Да, или нет? Быстро.

– Да, хочу, да буду.

– Поздравляю, коллега, – он надел цепочку мне на шею, – вы приняты в чародейский приказ вольным агентом до, предположим, пятнадцатого сечения следующего года.

– Контрактов подписывать не будем?

– Ну какие еще меж чародеями контракты? Евангелина, можешь расцеловать сотрудника.

Попович указание исполнила, не чмокнула губами воздух, как это меж барышнями принято, а действительно поцеловала.

– А от чего форма оберега зависит? – Спросила, достав из-за воротника свой кулончик, оказавшийся буковкой «ять».

– От личных качеств оберегоносца, – Эльдар разлил по стопочкам ярко-красную наливку из графина, по двум стопочкам, кивнул. – Вздогнули, барышни, и приступим.

Мы выпили. Наливка оказалась вишневой, на косточках настоящей, и довольно крепкой.

– Почему ты про сновидцев спрашивала, Серафима? – Эльдар без паузы налил по второй.

Эта пошла вообще замечательно.

– Ты про лишение памяти упомянул, а я знаю, что это лишь сновидцам под силу. От того и спросила.

– Нет у нас таких чародеев, к прискорбию, либо к счастью.

– А я стану, – после третьей захотелось хвастаться. – Я, Серафима Абызова, стану сновидицей, когда летар...

– Притормози, соблазнитель, – Попович придержала графин и отставила его подальше. – Напоишь нам агента, а протрезвить без Ивана не сможешь.

– Сновидица, – прошептал чародей грустно. – Теперь понятно, чего канцлер в тебя вцепился. Эх, лучше бы ты с мертвыми говорила.

Тут Геля сообщила, что боится покойников, а я сказала, что ничего в них страшного нет, и что смерть очень на сон похожа, и, ежели кто сразу за грань уходить не желает, вполне и поговорить с ним возможно, и не опасно ни капельки. А Эльдар сызнава удивился, а Геля сказала, что он дурачок, хотя и чардей, потому что с сонным котом я ни от кого не скрывалась, и мог бы уже сам дважды два сложить, и что она сразу что-то эдакое подозревала, особенно когда у Семена, шефа то есть, на столе толковник Артемидора нашла.

Тут опять зажурчало из графинчика по стопкам, и, кажется, это был уже не первый графинчик.

А я спросила, когда гнума-портного арестовывать будем. Мне пообещали, что на днях, потому что цепочку торговую от него уже проследили, и толку его на воле держать более нет, и что Аркадия Бобынина тоже закроют, как только всех его продавцов выяснят.

Тут я даже не удивилась. Потому что два и два сложила, зрочки подвижные, перепады настроений, пьяное поведение без запаха хмельного.

Мы поговорили о странностях одурманенных людей. Я пожаловалась на Маняшу, которая не Маняша, потому что странности в поведении ее заметила. Эльдар сказал, что накануне заметил странности моего поведения, что притворяться я вовсе не умею, и что притворству надо у Евангелины Романовны учиться. Я спросила, есть ли у него аффирмация, у князя басурманского, и пожалела, что не он мне на Руяне повстречался, потому что не было бы тогда у меня Анатоля, и...

– Как же я вас обоих завтра наказывать буду, – прервал наше милейшее общение густой бас Зорина.

Глава третья, в коей вольный агент пользуется достижениями сыскальской науки в личном расследовании

Въжливостъ заключаетъ въ себѣ всѣ общественныя добродѣтели, необходимыя намъ для того, чтобы быть полезными и пріятными окружающимъ. Она обязательна въ светскихъ такъ же, какъ въ дѣловыхъ и вообще въ жизненныхъ отношеніяхъ. Безъ нея всякія сношенія съ людьми становятся невозможными. Въжливостъ смягчаетъ нравы, предупреждаетъ ссоры, усмиряетъ раздраженіе и ненависть, заставляя насъ сдерживаться; благодаря ей, мы приобретаемъ любовь высшихъ и уваженіе низшихъ.

Она же замѣняетъ привѣтливость, если, къ несчастію, мы лишены этого достоинства.

Жизнь в свете, дома и при дворе. Правила этикета, предназначенные для высших слоев России. 1890 г, Санкт-Петербург

Надворный советник Мамаев виноватым себя нисколько не считал, и наказание архивами рассматривал начальственным самодурством и превышением полномочий. Да, напоил красавицу, только лишь для ускорения процесса допроса и облегчения для. Потому что барышня Абызова скрытничать с малолетства приучена, и у нее целый арсенал для этих целей припасен. Она же на каждый вопрос два своих спрашивает, она же эмоции по десятке в минуту выдает, только чтоб лишнего не сболтнуть.

Иван все это про Серафиму и без того знал, на собственной шкуре испытал, но действия друга не одобрил. Он когда увидел ее в «Кафе-глясе» разморенную, пьяненькую, доверчиво на Эльдара взирающую, у него сердце екнуло от жалости.

– А теперь у нас в приказе еще и полезный вольный агент появился, – усмехнулся Мамаев.

– Промежду прочим, – Евангелина Романовна подала голос от бумаг, которые сшивала в папки огромной неклюдской иглою, – у меня, от вчерашнего, голова трещит. А его высокородие, вместо того, чтоб излечить подчиненную, архивами ее мучит.

– От тебя, Гелюшка, – Зорин прошел кабинетом и щелкнул девушку по кончику носа, – я такого не ожидал.

– Спасибо. – Попович сморщилась, потирая нос, затем улыбнулась. – Ты, Иван, Серафиму недооцениваешь. Разгадала она маневр эльдаров, просто решила ему подыграть чуточку.

– Ну да, – недоверчиво хмыкнул Мамаев.

– Уверена. Тяжко ей, Серафиме, все в себе держать, а выпустить не умеет, вот и поддалась. А ты, Эльдар, уверившись в своей власти, сам сверх меры разговорился. Скажешь, нет? Если список из ваших разговоров составить, да твой с ее сравнить, твой длиннее окажется.

Мамаев слегка смутился и посмотрел на Ивана, будто ожидая поддержки.

– В притворстве барышня Абызова не сильна, – продолжала Геля, – но ей того и не нужно, она кокетка, и при этом не дурочка, знает, как и когда девичью слабость проявить.

Зорину эти рассуждения удовольствия не доставили, может потому, что слишком много в них было правды. Он вернулся за свой стол, будто удаляясь из разговора.

– Иван Иванович, – спросила Попович после довольно продолжительного молчания, – Серафима тебе про свою подменную няньку рассказала? Что про это думаешь?

– Думаю, что вы, сыскарики, вместо нового агента новое дело на свои головы нашли. – Зорин посмотрел на подчиненных со значением, протягивая паузу. – Начинай, Гелюшка, по пунктам, с момента, когда Серафима Карповна о подмене заподозрила.

Евангелина Романовна отложила иглу, раскрыла блокнотик, и, сверяясь с заметками, изложила все, о чем удалось узнать.

Иван Иванович слушал, кивал.

– Выводы?

– Если отместить вариант нервических фантазий... Я бы его, к слову, полностью со счетов не списывала. Сама барышня Абызова нам поведала, что многие сновидцы к безумию предрасположены.

– Сновидческое безумие, – перебил ее Мамаев, – чаще всего лишь нежелание следовать общественным нормам, а Серафима...

– Ты, Эльдар Давидович, все бумажки подшил? – С фальшивым участием спросил Зорин. – Так тебя в архиве еще море разлитое дожидается.

– Я лишь уточняю.

– Уточнять будешь, когда Евангелина Романовна к тебе за консультацией обратится. Дело это ей поручается. Геля, продолжай.

Барышня Попович вздохнула, размолвка друзей ее расстроила:

– Я вовсе не считаю, что Серафима Карповна безумна, я только предполагаю держать эту возможность в уме. Кроме афронтов общественной морали от сновидцев, туда же можно отнести и наследственность. Матушка Серафимы страдала от душевной хвори.

Мамаев встрепенулся, желая задать вопрос, Геля это движение заметила:

– Перед службою я успела сегодня к Матвею Кузьмичу, лекарю вашему чародейскому, наведаться, он Полину Бобынину прекрасно помнит.

– Молодец, – похвалил Иван девушку. – Версия девичьих фантазий у нас есть, и со всех сторон она подтверждена.

– Тогда мы о ней не будем, приступим к другой. Итак, некто занимает место няньки барышни Абызовой. Кто, как и зачем? Кто: некто, знающий обеих, способный изобразить манеры, речь и поведение оригинала. Как: во время извлечения сущности госпожи Нееловой демоном Крампусом. Здесь заковыка. Этот некто сговорился с Крампусом? Иначе как он мог заранее это все спланировать? О случайной подмене и речи быть не может. Серафима пыталась разговорить «нянюшку», та отвечает на вопросы о прошлом без затруднений. Ну и, последнее: зачем? Какой прок этому «некто» от должности серафиминой наперсницы? Вот и получается у нас, что версия с безумием сновидицы – стройная и доказательная, а противоположная полна неясностей.

Громкий хлопок картонной папки о столешницу возвестил, что со своей частью архива Эльдар закончил:

– Будем считать, Евангелина Романовна, что тебе сей момент чародейская консультация понадобилась. Допроси, любезная, господина Зорина, который с демоном Крампусом близкое знакомство на Руяне свел.

– И что я у него спросить должна?

Иван смотрел на сыскарей с интересом, ожидая продолжения.

– Спроси, почему он тогда решил, что Мария Анисьевна в лапах демона пребывает.

Зорин улыбнулся:

– Будем считать, что провинность свою ты отработал. Хороший вопрос. Именно что решил, без всяческих подтверждений. И, когда демон перед нами коллекцией своей хвастался, госпожи Нееловой я у него не видел.

– Ничего не поняла, – Геля махнула блокнотиков возбужденно. – Демон ни при чем?

– Получается, что да. – Зорин встал из-за стола, отобрал у девушки блокнот, чтоб не мельтешила. – Получается, что он удачно подвернулся, чтоб пропажу няньки на него списать.

– А, если бы не подвернулся? – Мамаев тоже поднялся, и теперь они с Иваном стояли друг напротив друга.

– Няньку нашли бы в холмах с подвернувшейся ногою, которая ей не позволяла сразу к хозяйке вернуться, или на берегу, вынесенную туда приливом, чудесно от утопления спасшуюся.

– А тело-исходник? Уничтожено?

– Нет, это опасно. Если перенос сорвется, нужно пустое тело для отступления приберечь.

– А Неелова?

– И она нужна! Всего подсматриванием и подслушиванием не вызнаешь. А, если, по ходу дела, вопросы новые возникнут?

– Ах, как любопытно... Тогда получается...?

– Вот и я о том же.

– Сыскарики! – Взмолилась Евангелина. – Можно слов побольше? Какое тело-исходник?

– Из которого тот, кто маняшину роль на себя взял, появился. – Эльдар на девушку не посмотрел. – Ванька, ты о чем-то недоговариваешь!

Зорин явно смутился, растерянно пожал плечами.

Попович отобрала свой блокнотик, подхватила со стола карандаш:

– Значит так, господа чардеи, ваши личные отношения ко мне в данный момент касательства не имеют. Отвечайте мне немедленно. Подозреваемый кто? Мужчина, женщина?

– Женщина, – уверенно сказал Иван Иванович, – мужчине в женском теле было бы несподручно.

– Чародейка?

– Нет!

Геля поставила в блокноте галочку:

– Почему?

– Потому что это колдовство не наше, не человеческое.

– Ведьма?

Сыскари переглянулись и оба рассмеялись:

– Ведьмы? Нет, Гелюшка, эта порода так колдовать решительно не в состоянии.

– А кто тогда? Неклюды, басурманские шаманы? Кто эта женщина?

– Навья, – улыбка Ивана сменилась выражением крайней усталости. – Это совершенно определенно грязная навская волшба.

Тут им пришлось прерваться, младший чин явился призвать Зорина в кабинет неожиданно явившегося в приказ начальства.

Надворный советник Попович налов не боялась, она дописала свои заметки, перечитала их внимательно.

– Эльдар, чем навья от обычных людей отличаются? Что нужно в теле-исходнике обнаружить, чтоб понять, что это именно оно? Хвост?

– Вот уж не думал, Попович, что ты в досужие сплетни веришь. Ну какой еще хвост?

– погоди! Выражение даже такое есть – навья снасть.

– Где есть?

– В народе, Эльдар Давидович, в нашем великом берендийском народе.

– Наш великий народ необразован и темен.

– А ты вообще басурманин, и нечего тут мой народ сквернословить.

Они похихикали, ругаться друг с другом нравилось им чрезвычайно.

– Ладно, букашечка, – рука Мамаева, уже опустившаяся в карман за гривенником, там и осталась. – Какие-то отличия в том теле быть, наверное, должны. Но это совершенно точно не то, что сможет определить человек неподготовленный. Когда-то налов находили по рудиментарным отросткам, наверное, чем-то похожим на хвосты, либо по чешуйкам, проросшим сквозь кожу. Но это было давно.

– Они меняются?

– Как и все мы, – чародей все же достал монетку и задумчиво покрутил ее в пальцах. – Они хладнокровные. Не в фигуральном смысле, а фактически.

– В приказе градусник имеется? – Деловито спросила Геля. – И у кого температуру измерить? У поддельной Маняши, или у исходника? Это качество к телу привязано, или к сущности?

– Какие вопросы толковые, – восхитился Эльдар рассеянно. – И как их много! Холодно ей должно быть, няньке, а барышня Абызова горячая...

– Вчера Серафима жаловалась, что озябла. Удивлялась еще этому факту.

– А еще говорила, что Маняша в горячке мечется.

– И что из этого следует?

– Что кое-кто пожадничал и чуть не лопнул от чужой горячей силы.

Геля встревожилась:

– Это опасно?

– Не для Серафимы, – Мамаев улыбнулся слегка мечтательно. – Там, букашечка, такие бездны, что никому не исчерпать.

– Перфектно! Тогда мне достаточно присматривать за барышней Абызовой, своей осведомленности не выказывая.

Евангелина Романовна выдвинула на центр стола кружку с «паразитическими» денежками:

– За обед сегодня я заплачу. Засим борьба с паразитическими словами объявляется проигранной. А ежели кому наши слова не нравятся, так это не наше дело.

Эльдар Давидович это решение горячо поддержал, и они в четыре руки принялись за подшив оставшихся документов, чтоб до обеда закончить эту неприятную работу.

Какое отвратительное было утро! Никогда еще не было мне так плохо, ни разу в жизни. Сама виновата, чего уж себе врать. И дело было не в похмелье, его-то, стараниями Болвана Ивановича, у меня как раз не наблюдалось. Сердце болело, или душа, или самомнение, обломки которого так больно царапали сейчас и душу, и сердце.

Вчера Иван, не слушая возражений, забрал меня от сыскарей, засунул в коляску, устроился рядом со мной. А я, смелая и веселая, прильнула к нему. Дура! С поцелуями еще полезла. Зорин меня отодвинул, велел кучеру трогать.

– Гаврюша! – Заорала я. – Собачечку мою забыли!

– «Авр-р, авр-р, авр-р-р...» – Гаврюша выбрался из корзины, которую, оказывается, чародей успел поставить у меня в ногах.

– Трогай, – повторил Зорин погромче и подхватил кривоногое нечто, ласкающееся, как это только что делала я.

– Эльдар Давидович его заколдовал, – пояснила я с непонятной гордостью. – Еще и моей силы зачерпнул.

– Эльдар? – Недоверчиво переспросил Иван Иванович. – Ему на этот фокус силы не доставало?

– Фокус?

Зорин покачал головой и «собачечка» в его руках стала пухнуть, раздуваться на манер кузнечных мехов, а когда перестала помещаться в коляске, чародей подбросил ее вверх. Раздался хлопок, будто «собачечка» лопнула, и сонный кот Гавр взмыл к облакам, мощно взмахнув крыльями.

– Красавец какой вырос, – проводил Иван взглядом его полет.

– Фокусу этому меня обучишь?

Зорин улыбнулся холодно:

– У вас, Серафима Карповна, обучателей и без меня довольно. Попросите господина Мамаева, например.

– И попрошу, – насупившись, я принялась смотреть на закованную льдом Мокошь в обрамлении фонарных огоньков.

Коляска неторопливо катилась по набережной.

– Сейчас я вас на Голубую улицу доставлю, а на будущее попрошу более...

– Господин Мамаев, в отличие от прочих знакомых мне чародеев, кавалер предупредительный.

– Ты желаешь во мне ревность вызвать? – Иван взял меня за плечи и повернул лицом к себе. – Хочешь, чтоб я тебя к Эльдару ревновал?

– А ты высокомерно считаешь, что в всем его превзошел? – От злости у меня даже губы дрожали. – Думаешь, господин Мамаев моей страсти недостоин?

– Ее страсти, – пробормотал чародей раздражено, – подумайте только, ее страсти...

Он быстро и зло поцеловал меня:

– Твоя страсть всего лишь...

Еще один поцелуй.

– Эльдар мне друг, и никакая страстная девица...

Он не мог закончить ни единого предложения, потому что каждое из них прерывалось моими губами.

Стало жарко, поток жидкого огня хлынул по позвоночнику. Ласки Ивана становились все настойчивее. А я... Я от него не отставала.

– Ты пьяна, – сказал чародей, – мы не можем, это неправильно.

Он щелкнул меня по кончику носа. Хмельной морок из головы моментально исчез. Я, тяжело дыша, с ненавистью посмотрела в васильковые глаза.

– Не можем, конечно же не можем! Порочная девица тебя недостойна.

– погоди, бешеная, ты все не так поняла.

Но меня было уже не остановить. Я закричала, подняв лицо к небу:

– Гавр! Ко мне! – И в следующее мгновение взлетела, поднятая мощными лапами своего питомца.

Сверху мне было видно и ледяную Мокошь, и цепочку фонарей, и удаляющуюся от нас коляску с испуганным кучером и застывшим статским советником Зориным.

– Хороший мальчик, – похвалила я Гаврюшу, когда мы приземлились на балкон бобынинского дома. – И ненужно нам тебя больше в кракозябр обращать.

Гавр со мной согласился. После того, как горничные впустили нас в спальню, он завалялся на кровать и заснул, а я еще долго плакала и страдала.

Завтракать не спустилась, велел принести мне кофе в постель. Вместе с кофе явилась бледная «Маняша».

– Что за кулончик? – Спросила она, заметив мамаевскую подвеску в вырезе ночной сорочки. – Не припоминаю я его.

– Эльдар Давидович вчера подарил, – покраснев слегка, ответила я честно. – Ты здорова уже, нянюшка?

– А губы-то припухшие, а глазки-то заплаканные. Тоже Эльдар Давидович постарался?

– Он, представь себе, князь.

– Представляю, этих басурманских князей в столице хоть косою коси, кто в Мокошь-град со своих гор переберется, сразу князем становится. Кстати, о князьях. Вечером его сиятельство с визитом отметился, даже я до гостинной доковыляла, на его кудри полюбоваться.

– И чего?

– Да ничего. – Она повела рукой, указывая на розовый букет в вазе.

– Велю Мартам унести, – решила я. – Записку не оставил?

– Нет. Сокрушался, что ты корреспондировать с ним не желаешь.

Я глотнула кофе, почесала за ухом Гаврюшу:

– Сейчас, разбойник, мы тебя покормим, а после гулять отпустим. Маняша слаба еще хозяйничать, мы Март наших руянских в помощь кликнем.

– Наталье Наумовне они внизу помогают, – сказала нянька недовольно. – Юбку подшивают, чтоб в коньках не путалась.

– В каких еще коньках?

– Его сиятельство сегодня вас на каток пригласил, вот она и готовится.

Чудесно! Нас пригласили! Она готовится! Интересно, а Зорина она с собою потащит? Нет, просто интересно, согласится ли Болван Иванович на льду позориться ради своей глубоко порядочной кроткой невесты? А мне тогда кого в спутники назначить, чтоб брошенкой не казаться? В чародейский приказ телефонировать господину Мамаеву? Ах, у меня же тоже жених имеется!

Я посмотрела на рубиновое кольцо с ненавистью. Князь Кошкин у меня в спутниках по умолчанию.

Девушка Фюллиг заглянула в двери:

– Чего прикажете, барышня?

Я приветственно замахала руками и обе горничные вошли.

– Во-первых, нужно Гавра покормить, во-вторых, давайте поможем Марии Анисьевне переодеться.

– А мне зачем? – Загорчала нянька. – Мне-то с вами не ехать, слаба я.

– Ты в этом платье две ночи от жара страдала. Не спорь, Маняша.

Командовать прислугой было привычно, и робость, которую я испытывала, оставаясь с Маняшей наедине, меня не сковывала.

Гаврюше принесли миску рыбешки и кувшин молока. Он ел аккуратно, присмотра не требовал. Я нырнула в гардеробный шкаф и достала новую шелковую сорочку:

– В это тебя переоденем. Идем в твою комнату.

– Да я и сама могу, нечего из меня барыню строить, – ворчала нянька, с неохотой следуя за мной.

Я держала ее за руку, казавшуюся мне ледяной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.